

Юлия
Лавряшина

Авернское озеро

Юлия Александровна Лавряшина

Авернское озеро

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35510870

Авернское озеро: Эксмо; Москва; 2018

ISBN 978-5-04-095531-2

Аннотация

Денису очень повезло в этой жизни: он красивый юноша, многие женщины влюбляются в него, его отец богат, и кажется, что Денис делает только то, что хочет. Но за внешним благополучием скрывается море проблем. Мачеха приглашает в дом психиатра – негласно последить за пасынком. Между врачом, прагматичной молодой женщиной, и ее пациентом вспыхивает любовь. Они уже не могут друг без друга, но будет ли им хорошо вместе?

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	39
Глава 5	52
Глава 6	62
Глава 7	73
Глава 8	86
Глава 9	101
Глава 10	115
Глава 11	132
Глава 12	150
Глава 13	159
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Юлия Александровна Лавряшина Авернское озеро

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Лавряшина Ю., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Часть первая

Глава 1

Когда она только начала спускаться к пляжу по нескончаемой перекрестной лестнице, налетел встречный ветер. Как бы Соня ни поворачивалась, он яростно дул ей в лицо, словно пытался отогнать от того места, куда ей необходимо было попасть. Но Соня была не из тех, кто, покоряясь стихии, ломает собственные планы. Собрав разметавшиеся волосы, она подумала, что выглядит сейчас как молодая ведьма, и в то же мгновение поймала внимательный ясный взгляд снизу. От волнения она не успела разглядеть лица, знакомого лишь по фотографии, но, хотя человек на пляже тотчас отвернулся, у Сони даже не возникло сомнений, что это именно он. Тот, кто ей нужен.

Как и предполагалось, он был в компании, состав которой оказался идеален: три девушки и три парня. Соня мимоходом затосковала – ей никогда не нравилось протискиваться сквозь толпу. Плетеная корзина с большим ярким полотенцем и бутылкой минеральной воды шершаво терлась о ногу, будто ласковая корова без устали гладила ее языком. Соня спохватилась, что кожа может покраснеть, и взяла корзину другой рукой. В ее задачу входило выглядеть сегодня без-

упречно.

Уже на берегу, неслышно ступая по разбитым бетонным плитам, она все не могла решиться: подобраться к этой компании поближе или, напротив, занять позицию стороннего наблюдателя. Но рассудив, что каждый наблюдатель рискует остаться в этой роли на всю жизнь, широким взмахом расстелила полотенце на сухих, отвратительно скребущих ноги камнях. Когда Соня скинула юбку, один из компании оглянулся, и хотя глаза его прятались за темными очками, ее кожа невольно съежилась под этим взглядом. Это рассердило Соню. Она-то была уверена, что давно научилась высушивать мужские взгляды, как холодные капли после купания. Снимая майку, Соня отвернулась, но все время, пока собирала на затылке непослушные волосы, чужое тепло скользило между лопатками, заставляя поводить плечами. Но, повернувшись так резко, что нога больно провалилась между камнями, она едва не ахнула от разочарования. Никто и не смотрел на нее. Тот, кого она только что собиралась как следует отбрить, словно мальчишка скакал по пляжу, боксируя с приятелем, и, казалось, никого больше не замечал на свете. Обмякнув, Соня вдруг почувствовала себя старой, уже неспособной так дурачиться и хохотать во весь голос. Но, вспомнив, что и в пятнадцать лет не умела этого, успокоилась.

Соня улеглась на живот и, уткнувшись в согнутый локоть, стала сквозь полуопущенные ресницы наблюдать за те-

ми двумя. Остальные ее не интересовали: фон редко привлекает внимание. Лишь на миг Соня перевела взгляд на них и задумалась, что может заставить человека смириться с такой ролью? В голове возникла песенка, с утра звучавшая на «Русском радио»: «Это любовь. Это точно! Это любовь. Ну да, конечно!» Соня сердито мотнула головой. При чем здесь любовь?! У этого парня есть деньги, вот все и крутятся возле него. Ей предстояло сделать шаг и влиться в этот плотный хоровод...

Что-то ударило сзади, мгновенно разогнав Сонину дремоту. Не вставая, она оттолкнула прижавшийся к боку шершавый мяч и снова закрыла глаза, пытаясь усмирить предательское дрожание век. Это была единственная вещь, с которой ей никак не удавалось справиться. Остальное было натренировано и отлажено, как хороший механизм. Но это нервное трепетание ресниц всегда выдавало Соню, когда ей хотелось притвориться спящей. С самого детства, когда они с родителями спали в одной комнате.

На лицо легла тень, и Соня снисходительно хмыкнула про себя: прибежали извиняться. Но могло выйти и по-другому... Она незаметно нащупала сухой, неприятный на ощупь камень и зажала в руке – совершенно бессмысленный жест, и Соня это понимала, ведь камешек был слишком мелким, чтобы справиться с теми, кто попал в нее волейбольным мячом. Она стиснула кулак и, открыв глаза, перевернулась на спину.

Заслонивший солнце парень, тот самый, что обернулся, когда она раздевалась, присел, расставив крепкие загорелые колени, и его смеющийся взгляд быстро метнулся от ее лица к груди и обратно.

– Ух ты! – вырвалось у Сони, и совсем как в сказке Каверина, у нее с размаху куда-то ухнуло сердце. Даже в детстве она не верила в сказки, но эти читала, потому что в них все было почти как в жизни, и все же случались чудеса.

– Что-что? – переспросил он и чуть склонил голову, отчего Соне опять захотелось вскрикнуть: «Ух ты!», потому что сердце снова бешено забилося. Пока на нем были темные очки, она ничего не разглядела. Но теперь он сидел так близко, что Соня узнала бы его и на ощупь. Человек из ее забытых фантазий...

– Извини, я нечаянно в тебя попал, честное слово. – Голос у него был таким, что у любой женщины похолодели бы пальцы.

Собрав все мужество, Соня сухо ответила:

– Ничего. Не такой уж и сильный у вас удар.

– Почему ты говоришь мне «вы»? – удивился он.

– Разве мы знакомы?

– А что мешает нам познакомиться?

Его тонкие губы, в уголках которых таилась усмешка, вынуждавшая каждого улыбнуться в ответ, медленно растянулись, и между ровными зубами проглянула щербинка. «Диастема, – хладнокровно отметила Соня. – Говорят, это

примета лгунов». Устремленные на нее узкие, сложенные лукавыми треугольниками глаза вспыхнули серым искристым светом. Прямые брови нависали над ними так низко, что издали сливались в одно темное, живое, затягивающее пятно, от которого невозможно было оторваться. Соня попробовала – и не смогла. Нос у него был узкий, прямой и чуть вздернутый, по нему хотелось провести кончиком пальца. Широкое в верхней части лицо стремительно суживалось к одновременно упрямому и нежному подбородку, выбритому так гладко, словно и щетина-то на нем еще не росла. Темно-русые волосы, не слишком густые, были зачесаны назад в лучших традициях американских гангстеров и русских бизнесменов. На пляже он собрал их в хвостик, придав своему облику оттенок богемности, но несколько коротких прядей выбились и смешно топорщились за ушами. В широком разлете его плеч чувствовалась безудержная вольная сила. На левом кожа покраснела от солнца, и оно стало похоже на спелое эдемское яблоко.

– Ваша компания скучает без вас, – сказала Соня, стараясь глядеть на реку, в мутном течении которой то и дело поблескивало солнце.

Словно подтверждая Сонины слова, черноволосая девушка пронзительно крикнула:

– Дэник, мы уходим. Ты с нами?

– Нет, – отозвался он, не обернувшись. – Я остаюсь.

Соня с сомнением повторила:

– Дэник. Что это за имя?

– Это она меня так зовет, – пояснил он с видимой неохотой. – Вообще-то, мое имя – Денис. Денис Зимин.

Соне ничего не оставалось, как назвать себя. Ей всегда был неприятен этот момент, потому что собственное имя казалось невероятно глупым. В самом деле, как человек может зваться соней?

– Жену Толстого тоже так звали, – зачем-то добавила она.

– Правда? Я не знал...

– Вы не учились в школе?

– Ты. Пожалуйста, говори мне: ты. Так привычнее.

– Кому как. Наверное, у меня слишком хорошее воспитание.

Порыв ветра взлохматил выбившиеся пряди. Зимин откинул их, и Соня уловила запах жаркого пота. Ей захотелось вытянуть его изо всех сил, но она была не из тех, кто охотно идет навстречу собственным желаниям. Но от этого парня исходила какая-то «бесшабашная сексуальность», которой было сложно сопротивляться.

– Да уж, – невесело усмехнулся Денис и отер влажное лицо, – с воспитанием у меня не очень... В общем-то, с определенного момента у меня и не было никакого воспитания. Но я ведь уже не маленький, теперь я сам себя воспитываю.

В груди возникло нечто похожее на жалость, но Соня сразу спохватилась: стоит один раз кого-нибудь пожалеть... Все, чего можно добиться в жизни, зиждется на отрицании жало-

сти к любому человеку. Кроме родителей, конечно... Она не забывала делать такую оговорку, чтобы однажды не упустить это из виду.

Пытаясь рассеять случайную слабость, Соня огляделась и с удивлением заметила:

– Смотрите-ка, а один из ваших друзей все еще здесь.

Денис присел на край ее полотенца и тихо сказал:

– А он и не уйдет. Он на работе.

– Как это? Он что – спасатель?

– Вроде того. Это мой телохранитель.

– Кто?!

– Телохранитель. Ну человек, который меня охраняет, – запинаясь, пояснил он.

– Да я знаю, кто такие телохранители! А... вы? Кто вы? А! – у нее расширились глаза. – Зимин... Вы – банкир?

Он испуганно вздрогнул:

– Нет. Упаси бог... Я всего лишь его сын.

– Сын... Что же вы здесь делаете?

Он удивленно заморгал, сдвинув темные брови. Потом осторожно произнес:

– А вы считаете, что я веду себя... неприлично?

– Нет, что вы! А почему вдруг на «вы»?

– Сам не знаю. Вы так странно отреагировали. Мне стало как-то не по себе. Почему я не могу здесь находиться?

«О господи, почему мне так жаль его?!»

– Ты можешь находиться где угодно, – как можно мягче

произнесла Соня. – Действительно глупо, что я так перепугалась.

Денис осторожно стянул с волос резинку и откинулся на полотенце.

– Ты не кажешься трусихой...

– Когда-то я даже прыгала с парашютом.

– Нет, правда? – он закинул руку и прикрылся от солнца. На пушистых волосках под мышкой вспыхнули быстрые искры. Соню потянуло поймать их ладонью, но она даже не шелохнулась.

– Правда. Это было давно, еще в школе. Я воспитывала характер.

– И как?

– Удалось.

– Почему я не додумался до такого? – с сожалением сказал Денис. – Высоты я не боюсь, но воспитать характер мне бы не помешало.

«С такими деньгами можно обойтись и без характера», – хотелось ей съязвить, но обижать его раньше времени было нельзя. Соня решила, что это всегда успеется.

– Я еще не встречал девушек, умеющих летать... А теперь ты чем занимаешься? Укрощаешь тигров? – спросил он, выглядывая из-под руки.

– Все гораздо прозаичнее. Я – врач. Работаю в частной клинике.

Денис негромко присвистнул:

– Ничего себе! Тогда действительно надо обращаться на «вы». И по имени-отчеству.

– Нет уж, теперь не надо. Я уже освоилась. А ты, конечно, не заканчивал института?

– Почему – конечно? Я выгляжу идиотом?

«Вот дура!» – наспех обругала себя Соня и как можно убедительнее произнесла:

– Нет, ты выглядишь слишком юно.

– И совсем я не выгляжу юно, – уголки его губ превратились в две грустные ямки. – А как раз на свой двадцать один год.

– Я думала, ты моложе, – продолжала настаивать Соня.

– Совсем не то ты думала...

Денис сел рядом с ней и опустил голову так, что волосы рассыпались, полуприкрыв лицо. Соня крепко зажала ладони между колен, потому что ее тянуло заправить своиравные пряди за уши.

– Ты думала: везет же этому болвану! Ни учиться не надо, ни работать. Ведь по всему видно, что папочка его любит. Телохранителя приставил... Такому здоровяку еще и телохранителя!

Соня жалобно возразила:

– Я не думала этого.

– Конечно, думала. И ты во многом права. Я хотел поступить в институт, стать зоологом.

– Почему же не поступил?

– Отец сказал, что зоолог – это не профессия. Смешно тратить на это нервы и время. Он хотел, чтобы я выучился на экономиста. В результате я не стал ни тем, ни другим. Потом он открыл для меня магазин автомобильных запчастей. Но меня это несколько не интересует. Вообще-то, всем там заправляет мой дядя, а я так... Сбоку припеку. Мне даже не обязательно появляться там каждый день.

– Ты – откровенный человек, – с недоверием заметила Соня и подумала, что ей самой и в голову бы не пришло исповедоваться перед первым встречным. Наверное, родители не зря забили тревогу, с этим мальчиком определенно что-то не так.

Денис резко повернул к ней встревоженное лицо:

– По-твоему, откровенный значит ненормальный?

– Думаешь, я устанавливаю диагноз? Я не психиатр, успокойся. Я – кардиолог. Вот если б у тебя было что-нибудь с сердцем...

– С сердцем у меня все в порядке, – безразлично отозвался он.

– Откуда ты знаешь? Иногда человек и не подозревает...

– До сих пор я его не чувствовал, значит, все в порядке. Разве не так?

– Это слишком упрощенно.

– Вот-вот, – подхватил он с тревогой, – отец тоже всегда говорит, что я вижу мир простым, как детский кубик. Но это не так. Я все понимаю, честное слово!

«Не хватало, чтоб он сейчас еще заплакал! – испугалась Соня. – Совсем ребенок...» И добавила, подражая Денису:

– Честное слово! Он так и будет там сидеть? – Она взглянула на телохранителя, который не спускал с них глаз.

– А что? Пусть сидит. Он тебя раздражает?

– Я не привыкла находиться под наблюдением.

– Он все равно не уйдет, – вздохнул Денис. – Его нанял отец, а не я. Если он меня чересчур утомляет, я просто от него сбегаю. Но, в общем, я привык к нему, он хороший парень. Мы друзья. Хочешь, я тебя с ним познакомлю?

И, не дожидаясь согласия, окликнул:

– Андрей, я хочу тебя представить.

Когда телохранитель поднялся, Соня непроизвольно отшатнулась – так дохнуло от него неприязнью. А в ней самой тут же всколыхнулось отвращение к его рыжеватым крупным кудрям, ровному чуткому носу, бледным широким губам и отчужденному взгляду профессионального соглядатая. Потому что Соня с детства была приучена давать сдачи. Даже когда на нее только собирались напасть.

– Думаешь, мне было скучно одному? – спросил телохранитель, усаживаясь напротив Дениса.

– Ему не бывает скучно, – кивнул Зимин. – Он – счастливый человек.

Соня могла бы поспорить, что временами Денис ненавидит своего вынужденного друга, но, поскольку спорить было не с кем, она ограничилась замечанием, что каждый счаст-

лив по-своему. Денис взглянул на нее с интересом и спросил, что делает счастливой такую девушку, как она. То, как он это произнес, уважительно выделив слово «такую», было несколько старомодно и так наивно, что Сонино сердце опять предательски дрогнуло.

– Сейчас уже ничего, – откровенно сказала она. – А раньше те самые прыжки... Но я уже давно не занимаюсь этим.

По реке с треском промчалась моторка, разгоняя волны.

– Что? – переспросила Соня, оторвав взгляд от реки. – Я не расслышала, что ты сказал?

– Нет, ничего. – Денис мотнул головой, и непослушные волосы опять упали на лицо.

Но ей не послышалось, он что-то сказал. И оттого, что эти слова были перекрыты шумом мотора, они наполнились тем особым смыслом, который всегда чудится в том, что нам не суждено узнать.

Она взглянула на Андрея, но тот, как Медный Всадник, был исполнен невозмутимости.

– Вас подвезти? – обратился он к Соне, поймав ее взгляд. – Мы на машине.

Она хотела было ответить, что пока не собиралась уходить, что у нее отпуск и можно валяться на пляже хоть до заката, что с завтрашнего дня синоптики обещают дождь, но вместо всего этого сказала:

– Да, подвезите меня, если не трудно.

Денис озабоченно огляделся:

– Я где-то разулся... Ты не видел?

– Там, на траве. Принести?

– Издеваешься? Я еще могу передвигаться.

Когда он отошел, Андрей пробормотал:

– Все прошло как по маслу. Уверен, что он ничего не заподозрил.

– Значит, вы меня узнали? Как?

– Нина Викторовна хорошо вас описала.

– Могу себе представить... Но как вы подстроили, чтобы Денис меня заметил?

– А это уж не моя заслуга. Вас нельзя не заметить. Денис бы уж точно не прошел мимо.

– Он – бабник?

Андрей холодно переспросил:

– Как вы сказали?

Соне пришлось сменить тон:

– Он много времени тратит на женщин?

– Не без этого...

– Конечно, с таким-то телом!

– Красавчик, правда? – Он вдруг по-свойски подмигнул. –

Но вы на работе, не забывайте.

– Вы бы лучше за него побеспокоились. – Его слова задела Соню.

– А за него беспокоиться нечего, – спокойно возразил Андрей. – Вы – психиатр, все в ваших руках. Даже если он увлечется... А он, уж конечно, увлечется! То все равно это у него

ненадолго. Он никого дольше недели не выдерживает.

– Меня это устраивает, я не хочу никаких осложнений.

– В каком смысле – осложнений?

Но не успела Соня и рта раскрыть, как светлые глаза охранника вспыхнули сигнальным огнем: стоп! Она оглянулась и с трудом перевела дыхание. Смотреть на Дениса, не замирая, ей еще только предстояло научиться. «Красавчик, – повторила она про себя. – Глупое слово, но он и вправду – красавчик!»

– Еле нашел, – смущенно признался Денис. – Начисто забыл, где их оставил, никакой памяти... Ну что? А ты еще не готова?

– Готова. – Соня поспешно запахнула желтую юбку и подхватила корзину. – Вот и все.

Андрей настороженно огляделся, но никому на пляже не было до них дела. Случайные облака уже тяжелели, подтверждая прогноз синоптиков, и Соня с досадой подумала, как это некстати. Дождь способен остудить и более пылкий интерес, чем виделся ей в глазах Дениса.

– В этом наряде ты похожа на солнечного зайчика. – Он придержал ее за руку. – Я не говорил тебе? Ты очень красивая.

Глава 2

Когда Соне было шестнадцать, отчим привел ее в свой центр пластической хирургии и целое утро демонстрировал коллегам лицо приемной дочери.

«Смотрите, – грозно говорил Валерий Ильич, приподнимая согнутым пальцем ее подбородок. – Вот как должна выглядеть женщина! Видите, какая идеальная форма носа? А разрез глаз? А подбородок? Я уже не говорю об ушах...»

Медсестры разглядывали Соню с завистью, а она ежилась, будто ее разделявали хирургическим скальпелем на глазах у кровожадных зрителей.

«Не понимаю! – рассердился отчим, когда, вернувшись домой, Соня разразилась слезами. – Ты должна гордиться своей внешностью, а не шараться от зеркала, как черт от ладана».

Он не понимал, а Соня не умела толком объяснить, почему собственная красота внушает ей суеверный страх. Все прочитанные Соней в школе великие романы в один голос убеждали, что красивая женщина обречена на самые гнусные несчастья, какие только существуют в природе. И это ощущение обреченности давило на плечи, заставляя сутулиться и волочить ноги, чтобы перестать быть красавицей и таким образом обмануть судьбу.

Признаться в этом отчиму Соня боялась, заранее зная, что

он в ответ разразится смехом и потом до скончания века будет подтрунивать над ней. Любые, с его точки зрения, отклонения в развитии дочери Валерий Ильич был склонен рассматривать как зарождающуюся болезнь. «Да она же потенциальная шизофреничка!» — однажды воскликнул он с отцовской тревогой и тайным злорадством врача в голосе. В тот же вечер Соня твердо решила стать психиатром и навсегда отмести столь страшные подозрения. На месяц она добровольно заточила себя в комнате, чтобы подготовиться к вступительным экзаменам, и вырвала у преподавателей пятерки буквально зубами, уже окрепшими для долгой и жестокой битвы. Разговора о тайной поддержке в семье не затевалось, но Соня была уверена, что ее подстрахуют, и это ничуть не оскорбляло. Потому что это был как раз тот случай, когда цель оправдывала средства.

Как и в истории с Зимиными. В той частной клинике, куда Соню после института пристроил отчим, среди больных не встречались тети Маши с улицы, а сплошь одни Зимины. Ее пациенты были в основном женами состоятельных людей. До работы в клинике Соне и в голову не приходило, что в их маленьком городе столько богатых. Соня выполняла функции психоаналитика, но в случае необходимости применяла и медикаментозное лечение. Кабинет ее больше походил на сад, но Соня не помнила и половины названий тех растений, что разводила тихая угловатая медсестра. Когда-то она, конечно, знала их (это было в те далекие времена, когда она

зубрила биологию, готовясь в институт). Но поскольку Соня придерживалась правила не засорять мозг лишней информацией, то без сожаления вычеркнула из памяти ненужные слова. Однако против самих цветов Соня ничего не имела, полагая, что, попадая в обстановку бурного цветения жизни, пациент легче перестраивается на более радостное мироощущение. Особенно это помогало, когда встречались по-настоящему трудные случаи.

Нина Викторовна Зимина насторожила ее сразу. Многие больные поначалу относились к молодому врачу с недоверием, однако Зимина следила за Соней уж как-то особенно подозрительно, будто вербовала на работу в ФСБ. Что в конце концов оказалось недалеко от истины. Все разговоры о ночных кошмарах были блефом, приманкой, тестом на профпригодность. Но это стало ясно, лишь когда Зимина решительно выложила все карты на стол. Соня даже внутренне не возмутилась – у каждого своя игра. Пока Зимина, постукивая алыми ногтями, рассказывала о своем великовозрастном пасынке, Соня пристально наблюдала за ее мимикой. Ни разу высокомерные губы не изогнулись уголками вверх, а едва заметная бороздка между бровями не разгладилась. Но Соня не торопилась делать выводы. Отношения мачехи со взрослым приемным сыном никогда не бывают однозначными. Уж она-то знала это... История болезни Дениса Зимина заинтересовала ее сразу.

– Поет? – удивленно перебила Соня. – И хорошо поет?

Яркие ногти блеснули в воздухе кровавыми брызгами.

– При чем тут хорошо поет или нет? – раздраженно отозвалась Нина Викторовна. – Он же во сне поет, понимаете? Забирается на крышу нашего коттеджа и поет. Как настоящий лунатик!

С трудом сдержав смех, Соня пробормотала:

– Впервые слышу, чтобы лунатик пел.

– Вам это кажется забавным?

– Случай неординарный. А днем он тоже поет? Чем он вообще занимается?

– Ничем, – отрезала Зими́на. – Баклуши бьет, а муж его только поощряет. Он очень боится, чтобы мальчик не сорвался, как его мать когда-то. Психически, я имею в виду. Я вам не говорила? Она ведь отравилась. Выпила целую кучу таблеток...

– Из-за чего? – осторожно поинтересовалась Соня, почуяв неладное.

– Из-за меня, – с вызовом ответила Зими́на. – Но Денис этого не знает. Какое-то время после похорон мы с Павлом еще скрывали наши отношения. Я появилась гораздо позднее.

– Сколько ему тогда было?

– Денису? Не помню. Кажется, тринадцать.

– До смерти матери он пел, вы не знаете?

– Может быть. – Она нахмурилась. – Он ведь учился в музыкальной школе. На скрипочке играл.

– Вы не любите музыку?

– Это не мужское занятие.

– Понятно. После смерти матери он прервал обучение?

– Да. Мы как-то не сразу вспомнили про эти уроки. Павел решил не настаивать.

– Значит, потом он стал петь во сне? Когда это случилось впервые?

– Уже после окончания школы. Это-то и странно. Обычно всякие фокусы мальчишки выкидывают в переходном возрасте. Но в Денисе вообще осталось много детского.

– Вы считаете, он инфантилен для своего возраста?

– О да. – Она быстро закивала. – Знаете, какую он хотел выбрать себе специальность? Зоолог! Можете представить? Ему, видите ли, хотелось возиться со всякими зверюшками! Ну разве это занятие для мужчины? Тем более из нашей семьи...

Соня ненадолго задумалась.

– А что он поет? Это песни? Я имею в виду, со словами? Или просто мелодии?

– Песни, – подтвердила Зиминая и замаялась. – Но я ни одной из них не слышала раньше. Может, он их выдумывает? Он поет только на английском. Денис ведь окончил лингвистическую гимназию. Надо признать, у него неплохо получается. Может, ему стоит продолжить обучение музыке? Это все же лучше, чем зоология. И музыка ведь не перегрузит его мозг?

– А что сам Денис думает по этому поводу? – спросила Соня.

– Ничего не думает. Он вообще не подозревает об этих ночных концертах.

– Почему вы так считаете?

Она коротко засмеялась:

– А мы устроили ему проверку. Когда у мужа был день рождения, я попросила Дениса пропеть поздравительную песенку, когда я внесу торт со свечами. Так он ответил, что после того, как в тринадцать лет у него началась ломка голоса, ни разу не пробовал петь и боится, что это выйдет слишком смешно.

Соня с сомнением забарабанила пальцами.

– Все это довольно странно. Обычно при сомнамбулизме люди совершают обычные для них действия – перекладывают вещи, ходят знакомым путем. Это явление потому и относится к разряду автоматизмов. Значит, говорите, во время бодрствования он никогда не поет?

– Нет. Но он ведь и на крышу днем ни разу не лазил.

– А у вас есть общие дети? – вспомнила Соня.

– Что? А, нет. Я пыталась забеременеть, но из этого ничего не вышло.

«Значит, вопрос о дележе имущества между будущими наследниками отпадает», – отметила Соня и мягко произнесла:

– Сочувствую. Вы пробовали лечиться?

Зими́на махнула рукой:

– Уже поздно. Я боюсь рожать в таком возрасте.

– Ну что вы! Какой там возраст! Вам непременно нужно попробовать. В нашей клинике...

– Так что вы думаете насчет Дениса? – нетерпеливо перебила Зими́на.

– Заочно трудно сказать. Приводите, я побеседую с ним, понаблюдаю.

– Нет, нет! – испугалась Нина Викторовна. – Вы не поняли! Если он только заподозрит, что мы считаем его больным... Я даже представить боюсь, что он может выкинуть.

– Как же вы хотите его лечить, не приводя в клинику?

На секунду Зими́на замялась, переведя взгляд на мелкие листья лимонного деревца, потом несколько агрессивно произнесла:

– Вы знаете, что мой муж располагает определенными средствами. Он заплатит, сколько вы скажете. В разумных пределах, разумеется. Но мы хотели просить вас проделать все так, чтобы Денис ни в коем случае не догадался, что вы – психиатр. Случайное знакомство... Если он увидит вас, то обязательно увлечется, вы в его вкусе. Правда, ненадолго. Неделя-другая, но вам ведь этого хватит, чтобы все выяснить для себя? Как вы на это смотрите?

Соня сдержанно ответила:

– Это неожиданно. Мне еще никогда не делали таких предложений. Но это... даже заманчиво. Мне нужно продум-

мать условия нашего контракта.

Красивое лицо Зиминной обмякло и неожиданно постарело. Соне уже не раз приходилось замечать, что некоторые женщины хорошеют от злости.

– Слава богу! – с облегчением выдохнула Нина Викторовна. – Я знала, что вы – нормальный, современный человек.

– Стараюсь, – скромно ответила Соня.

– Только, – опять замялась Зимина, – я хотела вас предупредить. Вы ведь не замужем? Понимаете, мой пасынок – очень привлекательный юноша. Классической красотой он не обладает, но в нем есть нечто такое, что буквально сводит женщин с ума.

Соня посмотрела на нее с интересом, но перебить не решилась.

– От него просто веет сексуальностью, вы меня понимаете? Если б вы знали, сколько девочек рыдало у меня на плече! Он бывает с ними очень ласков. Даже чересчур. Каждую боготворит, как принцессу, а через неделю разочаровывается и теряет к ней всякий интерес. Это ведь тоже ненормально, правда?

– О, если начать лечить всех мужчин, страдающих этим недугом!..

Зимина согласно закивала:

– Верно, верно, это все ерунда. В конце концов, молодость должна перебеситься, разве не так? Я всего лишь хотела предупредить об этой его особенности, чтобы вы были готовы и

не потеряли голову.

Соня усмехнулась:

– Как раз насчет этого можете быть спокойны. Среди моих пациентов бывали весьма интересные мужчины. Но на свете не может быть человека, ради которого я стала бы рисковать своей работой. К тому же, честно говоря, я не люблю юнцов.

Не скрывая радости, Зимина оживленно воскликнула:

– Ну и прекрасно! Значит, все пройдет как по маслу!

Глава 3

«Все прошло как по маслу» – эта фраза из уст мрачного телохранителя прозвучала как пароль.

Но Денис Зимин оказался не так предсказуем. Его мачеха сулила положение принцессы, и Соня настроилась на обка-танную временем программу: обед в ресторане, а то и ужин, шампанское на природе, долгое прощание на заднем сиде-нье машины, которая уже к следующему вечеру сменилась бы просторным гостиничным номером...

Денис одним махом уничтожил нарисованный Соней лубок. Когда они втроем поднялись с пляжа к набережной, он заговорщицки хлопнул своего телохранителя по плечу:

– Слушай, давай съездим... Ну ты знаешь куда, – и повернувшись к Соне, добавил: – Я хочу, чтобы ты все обо мне знала.

– Зачем? – вырвалось у нее.

– Я хочу, чтобы ты мне доверяла.

– Ты часто повторяешь: я хочу.

– А я и делаю, что хочу. Ты поедешь со мной? Это не-далеко.

– А не опасно? – на всякий случай спросила Соня, хотя знала, что на этот вопрос всегда отвечают отрицательно.

Денис через плечо удивленно глянул на приятеля, и оба снисходительно засмеялись.

– Не опасно, – заверил телохранитель. – Это я тебе говорю как профессионал.

– А ты профессионал?

– Я занимаюсь этим десятый год.

– Ладно. – У нее было как-то беспокойно на душе. – Вы умеете уговаривать.

С легким смешком Андрей заметил:

– Да мы не особенно и старались.

Подходя к голубого цвета «Вольво», Соня с удовольствием представила, как сейчас охранник засуетится, бросится открывать перед хозяином дверцу, и спесь разом слетит с его невозмутимой физиономии. Но ничего подобного не произошло. Он уселся за руль, перегнувшись, поднял сзади защелку и больше не двинулся с места. Денис сам открыл дверцу и пристукнул босыми пятками, сделав галантный жест:

– Прошу!

Соня с удовольствием нырнула в уютную прохладу. Когда машина мягко тронулась, ей захотелось откинуть голову, закрыть глаза и погрузиться в состояние блаженного покоя...

Покачивая головой в такт какой-то мелодии, звучавшей в его голове, Денис мельком улыбнулся ей и перевел взгляд за окно. Его крупные пальцы теребили отвороты шорт, и Соня с недоверием подумала: «Стесняется он, что ли? Быть не может... С его-то опытом романтических походов?»

Уловив, что на него смотрят, Денис нехотя повернул голову, чуть склонив ее к плечу, и в его лице проступило что-

то умоляющее, отчего Соня едва удержалась, чтобы не погладить загорелую, слегка впалую щеку.

– Куда же мы едем? – сердито встряхнувшись, спросила она.

– Не бойся, я не страшнее прыжка с парашютом. Завидую, мне всегда хотелось полетать...

– Я не летала. Я падала вниз.

– Но ведь при этом возникало ощущение полета? Пусть и вниз. А может, мне еще не поздно записаться в секцию парашютистов?

– И не думай! – отрезал Андрей, взглянув на них через зеркало. – Твой папаша снимет головы нам обоим.

Денис выпучил глаза и надул щеки так, что на коже выступили детские тонкие прожилки. С шумом выпустив воздух, он пожаловался:

– И вот так во всем. Ни черта нельзя!

– Кое-что тебе можно, – напомнила Соня. – Не работать по-настоящему, не трястись над каждой копеечкой...

Денис сделал нетерпеливый жест:

– Не надо напоминать, какой я бездельник! Я и без того постоянно помню об этом.

– Ты не бездельник, – возразил Андрей, – просто твое главное дело никем не оплачивается.

Соня заинтересовалась:

– Какое дело?

Денис загадочно пообещал:

– Сейчас увидишь...

Измученный жарой и пылью центр города остался позади. Они свернули в район, в просторечье именуемый «Шанхаем». Он был старым и низкорослым, как бредущий к концу жизни китаец. Среди одноэтажных домиков с серыми крышами и унылой череды бараков «Вольво» проплывала диковинной блестящей рыбой. Возле одного из домишек без ставень, но с высоким крыльцом, выкрашенным в дикий фиолетовый цвет, машина остановилась и удивленно замолчала. Быстро взглянув на Соню, Денис смущенно произнес:

– Вот мы и приехали. Ты не боишься запылить туфли?

– Не такая уж я и неженка! Пошли, не беспокойся.

Он ловко выскочил из машины и подал ей руку. Ладонь у него была широкой и мягкой. Соня содрогнулась, явственно ощутив, как она прижимается к ее животу. «Я перегрелась! – возмутилась она про себя. – Мерещится черт знает что!»

– Пойдем, – сказал он, не выпуская ее руки. – Только ничего не бойся.

– А что здесь? Притон наркоманов?

Но Денис лишь покачал головой и снова загадочно улыбнулся. Он завел ее в маленький палисадник, за которым оказалась большая огороженная площадка, в разных углах которой виднелись самодельные спортивные снаряды – бревна, наклонные лестницы, барьеры.

– Это клуб собаководства? – догадалась Соня.

– Не совсем. Это приют. Что ты так смотришь? Приют для

бездомных животных. Мои родители о нем не знают, смотри не проговорись! Мы его создали вместе с... Кое с кем. Сейчас я тебя познакомлю. В основном все сделала она, потому что у нее вообще все лучше получается. Она очень талантливый человек, ты потом в этом убедишься. И вообще, и дом этот ее, и все постройки. Ее Анной зовут. Аннушка. Мы с детства дружим, я ведь раньше здесь жил, неподалеку. У нас обоих овчарки были, мы их вместе на поле тренировали. Вон там. – Он обернулся и, прикрыв глаза рукой от солнца, указал на уходящий в бесконечность просвет между соседними домами. – Только Аннушкина собака была поопытнее, да и сама она тоже... А мы с моим псом оба еще были щенками. Я за Аннушкой ходил раскрыв рот. Она от всех отличалась, даже поступать собиралась не куда-нибудь, а в Литинститут. Она ведь стихи пишет. Я ни минуты не сомневался, что она поступит.

– И поступила?

– Нет. – Денис нахмурился и сразу стал старше. – Но я об этом не знал. Мы уже переехали, я ее несколько лет не видел. А с год назад она зашла в мой магазин, и я случайно там оказался.

– Она водит машину? – с уважением спросила Соня. Ей нравились самостоятельные, сильные женщины.

Он сдержанно кивнул.

– Водит. Только не свою. Она работает водителем такси.

– Кем?!

– Тише! – Денис испуганно огляделся. – Она ведь где-то здесь.

– Она в сарае, – раздался низкий надтреснутый голос.

То, как выглядела подруга Дениса Зимина, разрушало все заготовленные представления о нем. К ним вышла далеко не юная, низкорослая, рано раздавшаяся женщина с круглым простоватым лицом. Громко шмыгнув носом, Аннушка поправила заляпанные очки, и от ее одежды терпко пахнуло.

«Надеюсь, она не станет протягивать мне руку», – с опаской подумала Соня и на всякий случай незаметно отступила за спину Дениса.

Но Аннушка только кивнула – не слишком приветливо, как показалось Соне, – и заговорила с Денисом о каком-то Карате, у которого третий день был понос.

– Ему надо поголодать, – озабоченно настаивал Денис, не давая ей договорить. – Зачем ты опять дала ему каши? Я уже договорился с одной дамочкой, она собиралась завтра за ним приехать...

– Хорош он будет после голодовки! – не соглашалась Анна. – Тощего точно никто не возьмет.

– Лучше тощий, чем больной. Вон, смотри, – дернул он Соню. – Ему, чтобы отощать, надо минимум месяц не есть.

Из соседней секции длинного сарая не спеша вышел полосатый кот и, переваливаясь, как одышливый старик, направился к кустам. В кончике темного хвоста билось раздражение.

– Ну-ка, ну-ка! – загорелся Денис. – Пошли же, посмотрим, что у него там.

Он потащил Соню за собой следом, и они втроем, вытянув шеи, стали наблюдать за испражнениями кота, присевшего под низкими запылившимися ветвями. Его желтые глаза затуманились.

– С каким презрением он на нас смотрит! – сказала Соня.

– Нет, – возразил Денис, – это от наслаждения.

Когда кот отступил, несколько раз лениво скребанув сухую землю, Денис стремительно склонился над маленькой кучкой и, завопив: «Ура!», подпрыгнул. Кот шарахнулся в сторону и поспешно забрался на дерево. Ненадежная ветка опасливо приняла его увесистое тело. Свесившийся хвост словно вычерчивал в воздухе ругательства.

Денис нетерпеливо потянул ее за руку.

– Пойдем, я покажу тебе своих лучших друзей.

Его лучшие друзья жили в другом сарае. Внутри оказалось прохладнее, чем во дворе, потому собаки здесь и прятались. Едва Денис приоткрыл дверь, как они разом вскочили и, отталкивая друг друга, с визгом бросились к нему.

– Не бойся! – успел крикнуть он Соне, со смехом отбиваясь.

Прижавшись к стене, она с изумлением разглядывала собак сквозь мутную пелену опускающегося пуха и пыли. Сделать это было довольно сложно, потому что собаки без конца перескакивали друг через друга и подпрыгивали, норовя

лизнуть Дениса в лицо. Худой черный доберман с воплями бился об пол в припадке счастья.

– На моей могиле напишут: «Любимец женщин и собак!»

– Меня они так никогда не встречают. – Аннушка неслышно остановилась позади Сони. – Но их можно понять, Дэнька и сам любит их больше... А я почему-то все время помню, как собаки разделились с Актеоном.

«Черт бы тебя побрал! – рассердилась Соня. – Откуда мне знать, кто такой этот Актеон?!»

– Чем же он вам помогает?

– А он не помогает мне. Мы все делаем поровну – чистим сарай, достаем корм животным, моем их, лечим. Дэнька еще и хозяев им подыскивает. Вы слышали, что на Западе стало модно держать в богатых домах дворняжек? Денис пытается внедрить эту моду у нас.

– И получается?

– С переменным успехом. Иной раз и за месяц никого не пристроишь... Особенно с собаками трудно. Кошку он отмоет хорошенько, бантик повяжет и дарит какой-нибудь девушке.

– И они берут?

– Да разве ж ему можно отказать? – удивилась Аннушка. – Он уже десятка три пристроил.

Соня слегка присвистнула:

– Силен!

– А, – спохватилась Анна, – вы, наверное, не то подумали.

Это чаще всего совершенно незнакомые девушки.

– Да вы не беспокойтесь. – Соня хотела было по привычке успокаивающе коснуться ее руки, но передумала. – Я Денису тоже совершенно посторонний человек. Даже не знаю, зачем он притащил меня сюда. Попытается кота всучить?

Темное широкое лицо Аннушки повернулось так медленно, будто с трудом отворилась старая дубовая дверь. В усталом взгляде было столько молчаливого понимания, что Соня вдруг почувствовала себя пациентом, пришедшим на прием к опытному врачу.

– Он еще никого сюда не приводил, – задумчиво сказала Анна. – Кроме Андрея, конечно. Да и он редко заглядывает.

Кое-как отбившись от собак, Денис проворно выскочил наружу, сквозь пелену пыли сверкнув шаловливой улыбкой. Вся стая с восторженным лаем рванулась за ним следом.

– Пойдемте, – позвала Анна. – Здесь пахнет псиной.

«Не то слово, – незаметно поморщилась Соня. – Как тут вообще можно долго находиться? Странный парень, очень странный...»

Когда она выбралась из полутемного сарая, Денис уже валялся на траве, лениво отпихивая то одну, то другую собаку. Устремив на Соню шальной взгляд, он беззаботно сказал:

– Когда отец все же выгонит меня из дома, я поселюсь с ними в этом сарае.

Не желая подыгрывать, Соня строго напомнила:

– Цивилизованные люди не живут вместе с животными.

– Слышишь, Аннушка? Оказывается, я – нецивилизованный человек. В общем-то, я и раньше это подозревал.

– Тебя действительно так тянет к собакам или ты меня разыгрываешь?

Он наконец поднялся и серьезно сказал:

– Только с животными человек и показывает свое истинное лицо. Перед ними ему не надо казаться ни умнее, ни тоньше, чем он есть на самом деле. Собака или любит тебя, или ненавидит. Ее невозможно обмануть, как невозможно и вынудить полюбить. Но можно заставить бояться себя.

– Тебя они, похоже, не боятся.

– И слава богу!

– А почему ты решил, что отец может тебя выгнать? – осторожно спросила Соня.

Денис поцеловал добермана в лоб и, выразительно проведя ладонями по майке, оттянул концы шортов:

– Посмотри на меня. Разве я похож на сына банкира?

– Да не очень...

– Вот и он так считает. Я знаю, что в глубине души он меня стыдится, потому и заботится, как о слабоумном. «Отдыхай, сынок! Гуляй, пока я жив, еще поработаешься...» – пробасил он. – Правда, в последнее время ему вдруг приспичило мной гордиться. А нечем...

– А если б он узнал, как ты возишься со всеми этими животными?

– ...то приехал бы на своем «Мерседесе» и лично пере-

стрелял всех к чертовой матери! – подхватила Аннушка. – Нет уж, лучше не рисковать. Он до сих пор Дэньке простить не может, что тот не выучился на экономиста. Все, что хоть как-то связано с зоологией, доводит его прямо до бешенства! Дэнька поэтому и домой-то никого из собак взять не может.

– У, пора идти! – воскликнул Денис, поглядев на часы. – Аннушка, ты сегодня без меня справишься?

Он ласково поправил ее тусклые растрепанные волосы. То, как выглядела женщина, похоже, не могло заставить его вести себя с ней по-другому. «Я всегда делаю, что хочу», – вспомнилось Соне, и она попыталась угадать, чего же это капризное дитя захочет дальше?

Глава 4

Они сидели в пустом зале ресторана, за угловым столиком возле окна. Соня выбрала место, с которого была видна набережная, по-летнему многолюдная. Так она обеспечила себе возможность куда-нибудь отвести глаза, если Денис будет, как только что в машине, смотреть на нее уж слишком пристально. В его узких, будто постоянно прищуренных глазах поблескивало радостное изумление. Оно обжигало Соню и заставляло без конца теревить под столом салфетку. И в то же время Денис, не умолкая, рассказывал то забавные, то грустные истории о своих собаках. Соню все это сбивало с толку. Едва она успевала сосредоточиться на том, что Денис говорил, как его проникающий в душу взгляд отвлекал ее. Тут же безнадежно путались мысли, нить повествования ускользала, и Соня оказывалась в глупейшем положении. Оставалось утешать себя тем, что, кроме нее самой, этого никто не замечает.

Им принесли холодный свекольник, который Денис самоуверенно заказал для всех, и Соня с облегчением вздохнула, решив, что сейчас он наконец-то замолчит и не нужно будет раздваиваться, пытаясь одновременно понять его речь и следить за его взглядом.

– У нас будет домашний обед. Ужасно вкусно! – Он перегнулся через стол и шепнул: – Хочешь, я буду сам готовить

тебе такой свекольник? Я умею.

– Тебе захотелось поиграть в повара?

– Поиграть? Ты думаешь, я только и делаю, что играю?

– А разве не этим занимаются дети богатых родителей?

Все эти животные, для чего они тебе? Это ведь тоже своего рода игрушки.

Денис откинулся так резко, что бордовая жидкость захлестнула белый островок сметаны. Опустив голову, отчего прямые волосы нехотя упали на лицо, он отрывисто сказал:

– Живое существо не может быть игрушкой.

– Еще как может! Уж мне-то известно, сколько людей попадает в больницу оттого, что кто-то просто поиграл их жизнью.

– Ты имеешь в виду жестокие игры. Но в нашем приюте животные не видят жестокости.

– На какие средства они содержатся?

– На мои доходы от магазина. Хоть с горем пополам, но я все же веду там дела. К тому же у нас не так много постояльцев бывает одновременно. Я тебе еще не показал наши «люксы». Некоторые оставляют у нас собак на время отпусков, за плату, естественно. Но с ними только Аннушка работает, я боюсь привязаться к чужой собаке.

– Ты боишься, что она привяжется к тебе, – поправил Андрей. – Дэнъка для животных как магнит. Они влюбляются в него с первого взгляда. Не знаю, почему...

Денис неловко усмехнулся:

– Наверное, чувствуют, что в прошлой жизни я был кем-то из них. Может быть, голубем.

– Почему именно голубем? – удивилась Соня.

– А почему бы и нет? Мне нравятся голуби. Ты не поверишь, но было время, когда мой отец держал голубятню. Это было хорошее время...

Уловив в его голосе печаль, Соня поспешила вернуться к началу разговора.

– Неужели тебе больше не на что тратить деньги? Ты часто бываешь за границей?

– Был несколько раз с родителями, – безразлично ответил он. – Ну и что? Ты пытаешься упрекнуть меня этим? Странная ты девушка, Соня. С тобой себя чувствуешь, как с общественным обвинителем. Надо все время держать ухо востро.

Осуждающий взгляд Андрея скользнул по ее щеке холодком. С другой стороны, пробиваясь сквозь витражи, припекало солнце. Витражи были сделаны в духе времени: маковки маленьких церквушек чередовались с остроконечными шлемами русских витязей; в длинном хороводе плыли девушки в русских сарафанах; горели костры и звезды. В радужном свете витражей пустые столики ожидали посетителей, и яркий свекольник бледнел от расплывавшейся в нем сметаны.

– Я тебя не обвиняю, – смягчилась Соня. – Наверное, во мне заговорила банальная обывательская зависть. Я еще ни разу не была за границей.

Денис рассеянно ответил:

– Ничего, я свожу тебя, куда захочешь.

– Мы успеем до полуночи?

Он встрепенулся:

– Почему до полуночи?

– От сказочных принцев надо убегать в полночь.

– Так то от принцев. – Он покачал головой. – А я скорее нищий, по ошибке попавший во дворец. У меня и психология нищего. Я никак не могу научиться быть богатым. Я был уже почти взрослым, когда у отца появились большие деньги, а до этого... Ну ты видела, как мы жили. Мне до сих пор жалко тратиться на всякую ерунду.

– А этот обед? – не удержалась Соня. – По-твоему, нельзя было обойтись без ресторана?

Денис вскинул руки и испуганно воскликнул:

– Ну что ты! Должен же я был пустить тебе пыль в глаза!

Она не выдержала и рассмеялась, покосившись на Андрея. Но его бледные губы даже не дрогнули, словно он поставил перед собой задачу слиться с интерьером зала.

– Ты ешь, – посоветовал ему Денис, заметив Сонин взгляд. – Тебе надо подкрепляться, пока ты еще не бесплотный ангел-хранитель. И не ходи за мной. Я сейчас...

Он выбрался из-за стола, оставив нетронутый свекольник, и, легко пробежав по пустому залу, скрылся в проеме, ведущем на кухню. Проводив его глазами, Андрей с упреком сказал:

– Ты ведешь себя неправильно. Зачем ты нападаешь на него?

Соня предостерегающе подняла палец.

– Не пытайся меня учить. Я выбрала абсолютно правильную тактику. Твой приятель слишком избалован, так? Значит, чтобы он запомнил меня хоть на день, нужно погладить его против шерсти. Это прописная истина.

– Не перестарайся. Ему не нравятся строптивые девушки.

– Значит, будем использовать кнут и пряник. Это сочетание всегда подогревает интерес.

– Дэнкя – не дурак, – предупредил он. – Когда с ним неискренни, он сразу это чувствует.

– А кто тебе сказал, что я неискренна?

Андрей громко поболтал ложкой и сурово сказал:

– Не верю я всем этим психоаналитикам, психологам, психиатрам... Психо – это ведь душа? Насколько я понимаю, каждая душа неповторима. Как же можно делать какие-то обобщения?

– О нет, – вздохнула Соня. – Разочарую тебя. Все мы до смешного похожи в своих проявлениях.

– Только не Дэнкя!

Соня одобрительно заметила:

– Ты хорошо к нему относишься. Это здорово. Но я пока не заметила в нем ничего исключительного.

Андрей поднял на нее светлые невозмутимые глаза. В них не было ни осуждения, ни симпатии.

– Заметила! Только боишься в этом признаться.

– Чего же мне-то бояться?!

Но ответить Андрей не успел, потому что в зал опять во-
рвался Денис с бутылкой шампанского в одной руке и гита-
рой в другой и безудержно завопил:

– К черту обед! К черту свекольник! Я объявляю празд-
ничный ужин. И пусть кто-нибудь попробует доказать, что
сейчас не вечер!

Соня с надеждой спросила:

– Ты собираешься спеть мне серенаду?

Он воздел занятые руки:

– О, если б я умел петь! Увы, я могу только пригласить
тебя на танец. Обещаю, что будет приятно... А играть для
нас будет мой друг. Костик, где же ты?

Он нетерпеливо обернулся и подозвал худенького пар-
нишку, почти мальчика, одетого, как и Денис, совсем не для
ресторана – в полосатую майку и оборванные выше колен
джинсы.

– Рекомендую, – официально произнес Денис. – Мой друг
– Константин. Лучший гитарист в нашем городе.

– Где их всего пятеро, – съязвил Андрей.

– Шестеро, – невозмутимо поправил музыкант.

– Сейчас Костя сыграет для нас, но сначала...

Одним движением он сорвал с бутылки серебристую
фольгу. Мятым осенним листом она медленно опустилась на
стол. Не сводя с Сони глаз, Денис стал не спеша поворачи-

вать закрученную проволоку. И в его взгляде, и в плавном движении руки, и в возникшем напряжении воздуха было что-то завораживающее, и когда Денис заговорил, его слова зазвучали как заклинание:

Давай станцуем при луне,
Когда придет Иван-Купала,
Чтоб ночь напрасно не пропала,
Ведь вновь не я вернусь во сне
В твой темный дом с лесного бала.
Свирель поймает легкий свет
И нам споет о новолунье
И о растаявшем июне,
В котором ночь как детский след

Иль быстрый взгляд лесной колдуньи,
Что заплутала, на беду,
В трех соснах. Мы напрасно ждали
И стых лилий обрывали
Ресницы на пустом пруду.
И ничего не нагадали...

Соня боялась шелохнуться или глубже вздохнуть, чтобы не разрушить возникшего вокруг нее и в ней самой. Но тут пробка с шумом выскочила, и все разом вспенилось, вскипело, взбурлило, зазвенели бокалы, которые услужливо принес официант, в общий хор влились гитарные переборы, — и все это каким-то чудом звучало не как нелепая какофо-

ния в разгар летнего дня, а складывалось в новую, неожиданную для Сони восторженную мелодию. Сама не заметив, как это произошло, она впала в пьянящее состояние эйфории, и дело было вовсе не в шампанском с жары, а в том неподвластном объяснению сумасшедшем обаянии, которое распространялось от этого юного, по ее меркам, человека. В том, как Денис улыбался, будто вовлекая в опасную и увлекательную игру, в том, как он пил вино, по-гусарски отставив локоть и дунув «Серко в морду», в том, как он, мягко отступая, потянул Соню за собой, а потом вдруг так прижал, что у нее враз ослабели ноги, – проявлялась природная магия его тела, сквозь силу которого предстояло пробиться к душе. Они танцевали среди бела дня одни в безлюдном зале, свободные от чьего-либо внимания – Андрей пристально разглядывал что-то за окном, а гитарист, прикрыв веки, погрузился в свою музыку, чуть слышно подпевая слабым голосом. Соня слегка отклонилась и сказала:

– Если б я увидела такую картинку со стороны, то решила бы, что два пьяных чудика совсем потеряли над собой контроль.

Неправильные треугольники его глаз насмешливо сузились:

– А мы разве не потеряли над собой контроль?

– Не думаю, чтоб я была на это способна, – откровенно призналась она.

– Ты себя плохо знаешь. Хотя бы раз в жизни это случа-

ется с каждым.

– Это касается слабовольных людей. Я немало потруди-
лась, закаляя свою волю.

Денис шарахнулся:

– Как страшно! Я сейчас заплачу.

– Неужели тебя пугают сильные люди?

– Еще как! Все несчастья в мире от сильных людей.

– Спорная философия. Неужели лучше быть слабым и
опуститься, как твоя Аннушка?

Теперь отстранился он.

– С чего ты взяла, что Аннушка опустилась? Она – талант-
ливый человек. Мне до нее расти и расти.

– Но мне показалось, что животные предпочитают об-
щаться с тобой.

– Я не про животных. Тебе не понравились ее стихи?

– Это она написала?

– Она. Я помню наизусть все ее стихи. Я заполняю ими
собственную бездарность.

Помедлив, Соня все же спросила:

– А вдруг ты просто не знаешь о каком-нибудь своем
скрытом таланте?

– Если бы, – вздохнул Денис. – Но у меня нет и скрытых
талантов. Так противно ощущать себя посредственностью.

– Ты – необычный человек. Мужчинам более свойствен-
но при первом знакомстве распускать хвост, а ты пытаешься
сровнять себя с землей.

Денис вдруг запротестовал:

– Ну уж нет! Во мне много замечательного, ты еще убедишься. Но самое главное – со мной приятно танцевать.

Он нахально улыбнулся и безо всякого перехода опустил-ся на колени, умоляюще подняв к ней лицо. Гитара затихла, хотя Денис не подавал никаких знаков. «Спасибо», – шепнул он, и впервые за этот день Соня сделала то, чего ей действительно хотелось – боязливо провела рукой по его гладким волосам и теплой щеке.

Денис поднялся и, глядя на нее исподлобья, произнес тоном гипнотизера:

– Сегодня я буду сниться тебе всю ночь. Хочешь ты того или нет.

И он действительно ей приснился...

А утро взорвалось восторгом. Он был алого цвета и пах влажной свежестью. Вслед за букетом всплыло восторженное лицо матери, с почтительной осторожностью державшей розы за длинные стебли. С замиранием в голосе она произнесла:

– Смотри, что тебе принесли, пока ты спала... Кстати, почему ты не пошла на работу?

– Разве я не говорила? Я взяла отпуск. Кто их принес?

– Какой-то милый мальчик. Он назвался Денисом, а фамилию почему-то не сказал. Ты его знаешь?

– Знаю.

– Очень милый мальчик, – с нежностью повторила мать. – Ты только посмотри, какая красота!

Тамара Андреевна торжественно приблизилась к постели дочери и положила розы прямо на простыню.

– Они же мокрые! – сердито воскликнула Соня и подхватила цветы. – Смотри, все намочила.

– В тебе нет ни капли романтики, – с сожалением заметила мать. – Если б мне ранним утром принесли такие розы, я была бы счастлива исколоться о них в кровь.

Соня строго посмотрела на нее.

– Мама, я хочу, чтобы ты имела в виду. Ни эти цветы, ни этот милый мальчик ничего для меня не значат. Это пациент, понимаешь? Его родители попросили меня незаметно понаблюдать за ним. Так, чтобы он ни о чем не догадался. Поэтому не возлагай никаких надежд. И никому ни слова!

Тамара Андреевна нехотя переложила букет на стол и осторожно присела на край постели, машинально накручивая на палец выбивающиеся завитки на шее. Эту привычку Соня знала с самого детства, и почему-то она удивительно трогала ее.

– Значит, он болен? – сочувственно протянула мать. – Тот он показался мне каким-то грустным. Такой очаровательный мальчик!

– А какие у него плечи!

– Соня! Как ты можешь? Это же твой пациент.

– Но я ведь живой человек! Его тело вызывает у меня вос-

хищение. И как у врача тоже. Что в этом плохого? Я умею держать себя в руках, не беспокойся. Он был не в шортах?

– Нет, в джинсах.

– Жаль. Ты бы видела, какие у него ноги... Почему самые роскошные мужики на поверку или шизофреники, или гомосексуалисты?! Невольно впадешь в отчаяние!

– Соня, эта работа делает из тебя циника, – предупредила Тамара Андреевна.

– Иначе в наше время нельзя. Лучше быть циником, чем наивным простачком. Съедят. Думаешь, мне легко сохранять за собой место в этой клинике?

– В каком смысле? – мать вздрогнула.

– В любом. Наверное, розы пора поставить в вазу? Ты не помнишь, что бросают в воду, чтобы цветы дольше стояли? Аспирин?

Мать грустно покачала головой.

– Кусочек сахара. Ты и к цветам относишься как врач.

– Я и есть врач. В первую очередь.

– А в какую очередь ты – женщина? В десятую?

Собрав цветы, она хотела было выйти из комнаты, но на пороге обернулась и скороговоркой выпалила:

– Сонечка, мне страшно за тебя! Не знаю, почему. Что-то недоброе ты затеяла. Может, тебе отказаться, пока не поздно?

– Нет, – Соня открыто взглянула матери в глаза, – ни за что. Если отступишь от задуманного раз, потом будешь пя-

ТИТЬСЯ ВСЮ ЖИЗНЬ.

Глава 5

Еще ни разу день не тянулся для Сони с такой тоскливой бесконечностью. Она перечитала накопившиеся газеты, теперь их было не так уж и много, помогла матери с обедом, сыграла с отчимом в шахматы и не заметила проигрыша, а день никак не мог разразиться звонком. Этот своенравный парень мешал ее планам, из-за него срывалась выгодная сделка. Соня швырнула на кровать приготовленную сумочку и бросилась к телефону. Но, сняв трубку, остановилась: «Он заставляет меня нервничать. Это недопустимо. Я решила, что все и впрямь пройдет как по маслу, но у него может быть своя тактика. Ведь чем-то он берет всех этих женщин...»

Ей тут же представились его крепкая и в то же время изящная шея, развернутые плечи, руки, от одного вида которых бросало в озноб... Мышцы его нельзя было назвать рельефными, но во всем теле чувствовалась такая сила, которой не хотелось сопротивляться. И, несмотря на это, Денис был до обидного слаб...

Собравшись, Соня перевела дыхание и пробежала пальцами по кнопкам с легко запомнившимися цифрами. К телефону подошла Зимина. Внятно назвавшись, Соня спросила: – Где он? Куда он пропал?

Последовала тягучая пауза, видимо, Нина Викторовна

проверяла, не слышен ли их разговор. Потом Соня услышала приглушенный голос:

– Он дома. Заперся в своей комнате. Я думала, вы договорились на вечер.

– Он передал мне утром цветы и пропал.

– Какие именно цветы?

– Розы. Вас интересует стоимость букета?

– Нет, нет. Ну что вы! Я лишь хотела узнать, не изменились ли его вкусы. Он всем всегда дарит розы.

«Она рассчитывала задеть мое самолюбие или полагает, что при данных обстоятельствах я не должна выделяться из общей массы?» Соня недовольно переложила трубку и продолжила:

– Что же делать? А если у него нет никаких планов на мой счет?

Немного помолчав, Зимина вздохнула:

– Боюсь, что наоборот. Я видела у него на столе фотографию матери.

– И о чем это говорит?

– Вы очень на нее похожи.

– Ах, вот как?! Почему же вы меня не предупредили?

– Разве это имеет значение?

– Все имеет значение. Любая мелочь.

– Об этом я не подумала, – холодно ответила Нина Викторовна.

– Меня ждут еще какие-нибудь неожиданности?

– Н-не знаю. Денис – мальчик труднопредсказуемый.

– Ну хорошо, а что мне сейчас делать? Он не давал мне своего номера, я не могу позвонить ему первой.

– Я понимаю. Наверное, придется ждать. Знаете, он сильно не в духе. С ним это случается крайне редко. Вы не обидели его вчера?

– Нет, я вела себя очень ровно.

– Может, это его и ранило? Он ведь избалованный мальчик. Вы не должны выбивать его из колеи, вдруг болезнь начнет прогрессировать?

– Прикажете повиснуть у него на шее?

– Смотрите не перегните палку, – угрожающе предупредила Зимина. – Вдруг ваше сходство с его матерью и без того потрясло мальчика?

– Почему вы все время зовете его мальчиком? Он производит впечатление...

Зимина прервала ее:

– Я знаю, какое он производит впечатление. Но в душе он совсем еще ребенок. Я бы не доверила его вам, если б вы не пользовались репутацией хорошего специалиста.

– Спасибо, но мне уже известно, какой репутацией я пользуюсь.

– Ох, он вышел. Прощайте, – отрывисто произнесла Нина Викторовна и бросила трубку.

Соня с удивлением прислушалась к неожиданному, взхлеб, сердцебиению. Весь день ее тревожили подозрения в

начинающейся тахикардии, потому что сердце то и дело сбивалось и отстукивало какие-то туземные ритмы, словно кричало о чем-то, а Соня не знала этой звуковой азбуки.

«Он вышел, — думала она, пытаясь сосредоточиться на дыхательной гимнастике. — Он идет ко мне. Он не должен обмануться в своих ожиданиях. А я не должна выделяться из общей массы. Но тогда все должно быть как всегда и со всеми. Все. Разве меня это пугает?»

— Что ты мечешься, как тигр по клетке? — недовольно спросил отчим, опустив газету. — У тебя неприятности? Что-нибудь на работе?

— Почему обязательно на работе? — раздраженно ответила Соня, удержавшись за ручку балконной двери.

Седые брови отчима приподнялись от удивления.

— Ты завела роман?

— Да какой там роман?! Разве у меня есть время на романы? Да и с кем их заводить?

Валерий Ильич невозмутимо указал верхним краем газеты на цветы, красовавшиеся на столе. Их яркие вытянутые бутоны подрагивали от сквозняка, и в полированной глади стола колебалось темное пятно. Соне захотелось прижаться лицом к прохладным лепесткам, но так делали героини мелодрам, и это всегда смешило ее. Раньше смешило. Когда никто не дарил ей розы целыми охапками.

— Очевидно, с тем, кто притащил этот букет, — неодобрительно продолжил отчим. — Лучше бы он подарил одну розу.

Это дешевле и элегантнее.

– Он поступил так, как ему захотелось, – с неожиданной обидой ответила Соня.

– Он что, всегда так поступает?

– Всегда.

– Он ненормальный?

– Вы его еще не видели, а уже пытаетесь ставить диагноз.

– Нормальный человек не бросается следом за своими желаниями.

Соня усмехнулась:

– Тогда я – самый нормальный человек на свете. Я никогда не следую своим желаниям.

Но Валерий Ильич был непреклонен:

– Это тоже ненормально. Во всем должна быть разумная середина. Я каждый день доказываю это женщинам, желающим купить у меня двадцать-тридцать лет своей жизни.

– И на чем же вы заканчиваете торг?

– На десяти-пятнадцати годах, не больше. Иначе это будет не только смешно, но и отвратительно.

– Разве молодость может быть отвратительна?

Как всегда, Соня была согласна с отчимом, просто сейчас ей было необходимо поспорить. Невозможно ведь провести целый день, с подозрением следя за стрелкой часов...

– Молодость хороша в свое время, – наставительно произнес Валерий Ильич, и она так и скривилась, поразившись, как ему удастся при его-то таланте не замечать произноси-

мых банальностей. Раньше и она не замечала этого.

– А кто знает это время? – спросила Соня из необходимости поддержать разговор, который вдруг перестал ее интересовать. – Мне двадцать пять. Это еще молодость?

– В сравнении со мной – почти юность! А сколько этому, садоводу-любителю?

– Двадцать один. – Она с любопытством отметила, как подпрыгнули лохматые брови. – Это тоже отвратительно?

Отчим оглядел ее с нескрываемым сожалением. Его жалость всегда была с оттенком презрения, и вместо нее Соня предпочла бы хорошую порку.

– Когда женщина начинает засматриваться на мальчиков, это первый признак старения.

С трудом выбравшись из кресла, он бросил на него газету, хмуро посмотрел на розы и выглянул в окно. Смерив его беспристрастным взглядом, Соня нашла, что отчим стал совсем уж мелковат и откровенно плешив. Ей пришло в голову, что если Денис появится здесь со своими роскошными плечами и магнетическим лицом, то отчим совсем съжится от такого соседства, а его беспокойная желчь разольется с такой мощью, что захлестнет и телохранителя. Ей уже слышался язвительный тонкий голос: «Где ты нашла такого секс-болвана? У тебя что, возрастные изменения?»

Она решительно тряхнула головой и, подойдя к окну, встала рядом с отчимом. Даже про себя Соня никогда не называла его отцом, тем более – папой. Но это вовсе не значи-

ло, что в их отношениях присутствовала хоть малейшая натянутость. С самого детства Соня была приучена благоговеть перед ним, потому что мать часто с придыханием повторяла: «Это такой талант! Мы с тобой – счастливые женщины. О таком мужчине, как он, можно только мечтать». Хотя Тамара Андреевна не произносила этого вслух, подразумевалось, что Сонин отец был человеком совсем другого сорта. Она не тосковала по нему, потому что совсем не помнила. После развода отец уехал на Дальний Восток (мать усмехалась: дальше некуда!), и Соня ни разу его больше не видела. И все же Валерия Ильича она никогда не звала «папой». Почему-то Соне это казалось противоестественным. И не ласкалась, опасаясь, что он инстинктивно отстранится, а она потом не сможет простить...

Когда же в ее душе возникала внезапная нежность к нему, Соня начинала вести себя грубовато, чтобы заранее оправдать его возможную холодность.

– Ох, Валерий Ильич, – она без труда обхватила его одной рукой за шею, потому что была повыше, – нам ли с вами говорить о старости?

Отчим прикинулся обиженным:

– А при чем тут я? Мы говорим о тебе. Ты замуж-то не собираешься?

– Таких талантов, как вы, в этом городе больше нет...

– Талант, талант! В юности меня очень занимало это понятие, ведь я хотел стать художником.

– Вы им и стали. Пластическая хирургия – это тоже искусство.

– Но я хотел быть художником, – упрямо повторил он. – Самое трудное, самое болезненное – это определить меру собственной одаренности. Насколько ты соответствуешь делу, которому собираешься посвятить жизнь? И никто тебе не сможет помочь в этом, потому что он и сам не Леонардо, значит, ему не дано судить. Если тебя ругают, ты ощетиливаешься, не можешь поверить, начинаешь искать того, кто похвалит. А услышишь похвалу, сомневаешься еще больше, опасаясь, что это из жалости, из человеколюбия.

– И какой же вы нашли выход?

Валерий Ильич по-стариковски поджал губы.

– Я прислушался к себе. В каждом человеке, если он, конечно, психически здоров и не одержим манией величия, есть внутренний камертон, точнее которого не найти. Все дело только в том, чтобы не побояться к нему прислушаться.

– И вы оставили живопись...

– Я оказался не таким уж и трусом. – Он неловко усмехнулся.

Затаив дыхание, Соня быстро произнесла:

– Врач должен быть храбрым, правда? Я тоже пошла на некоторый риск с этим парнем, что принес розы.

– С этим цветочником?

– Он не цветочник. У него свой магазин автомобильных запчастей.

– Прекрасно! Он обеспечит тебе возможность написать диссертацию, ты ведь собираешься...

– Вы меня выпихиваете замуж? Нет, дорогой Валерий Ильич, ничего не выйдет. Он не станет зарабатывать для меня. Он – мой пациент.

Стараясь не волноваться, Соня вкратце передала историю Зимина, с опаской наблюдая, как наливается угрюмостью лицо отчима. Но когда дело хотя бы косвенно касалось медицины, Валерий Ильич проявлял чудеса терпеливости. Выслушав Соню, он лишь подергал носом, тяжеловатым для мелкого лица, и укоризненно произнес:

– Нехорошее дело. Так нельзя, дочка.

На Сониной памяти было всего два-три случая, когда он называл ее дочкой. Ей сразу стало не по себе и захотелось убедить его, что этот рассказ – всего лишь шутка. Глупая, вульгарная шутка! Но он бы уже не поверил...

Расхаживая по комнате, то и дело цепляясь взглядом за пламенеющий букет, Валерий Ильич снова заговорил:

– Душа человека – слишком хрупкий сосуд, чтобы врач позволял себе жонглировать им. Это куда опаснее, чем фокусы, которые я проделываю с лицами. Человек способен выжить, даже когда обожжено до девяноста процентов его кожи. Но если сгорела душа...

Звонок не позволил ему закончить. Испуганно взглянув на Соню, отчим скрылся в кабинете, а она все не могла оторвать взгляда от неба, светлеющего к горизонту, на кото-

ром уродливым зигзагом чернела засохшая береза. Погибшая много лет назад, она до сих пор упрямо и воинственно топорщила мертвые ветви. И Соня привыкла к этому противоестественному соседству, как привыкла к своей кровати, что одно время с каждым годом становилась для нее все короче, а потом вдруг перестала уменьшаться, и к старому секретеру, который угрожающе скрипел, когда она слишком наваливалась на крышку, и к пожелтевшему глобусу на книжном шкафу.

Все, что окружало в этот миг Соню, было давно знакомо и привычно, кроме этого оглушительного звонка, что раздавался уже в третий раз. Ей вдруг захотелось убежать в свою комнату, закрыть и дверь, и уши и громко запеть какую-нибудь детскую песенку, слова которой произносишь уже машинально, не задумываясь о смысле. Они сумели бы заглушить этот звонок.

Соня поправила волосы и пошла к двери.

Глава 6

– Ух ты...

Нет, на этот раз Соня не произнесла этого вслух, но в груди точно так же, как вчера, что-то оборвалось и, пронзив живот, налилось теплой болью. Одним взглядом она охватила его целиком: зыбкое пространство узких глаз, детский подбородок, стройную шею, крепкие ноги... До сих пор Соня была уверена, что таких мужчин не бывает на свете. И была права. Потому что Денис Зимин не был мужчиной. Он был больным человеком. Совсем юным человеком.

Излишне вежливо пригласив его войти, Соня чуть слышно перевела дыхание и еще раз напомнила себе, что была предупреждена о его воздействии на женщин. Глупо попасться в капкан, который видишь за сто метров. Самонадеянность помешала удержать себя в руках в тот самый момент, когда Денис разбудил ее на пляже. Какая-то часть ее души ускользнула из-под холодного контроля мозга и теперь словно жила своей жизнью. Вновь подчинить душу рассудку оказалось сейчас затруднительно, однако поставить непроницаемую защиту было Соне пока под силу. Как-никак она имела диплом психиатра...

– Спасибо за цветы, – сказала она, потому что Денис молчал и улыбался. В полумраке прихожей его улыбка мерцала, как светлячок в ладони.

«Теперь Драгунский, – поймала себя Соня. – Почему, когда я вижу его, мне на ум приходят детские истории? Ах да... Его же зовут Денис».

– Что ж, проходи, – неуверенно предложила она. – А где твой ангел-хранитель? Сидит на лестнице?

Он сразу пришел в себя. Светлячок растворился во тьме, оставив невидимый грустный след. Денис медленно провел рукой по зачесанным назад волосам и неохотно подтвердил:

– Да, он там. Я не буду проходить. Я хотел пригласить тебя...

– В ресторан? – простонала Соня. Воспоминания об этом месте весь день маячили на задворках сознания. Вчера за обедом она целиком попала во власть Дениса и напрочь забыла о собственной цели.

– Нет-нет, – выпалил он, уловив ее внутреннее сопротивление. – Мы пойдем с тобой... А я не скажу тебе, куда мы пойдем!

– В твой приют?

– Нет, я был там утром. Карата забрали.

– Хорошо, – неуверенно сказала Соня и деловито осведомилась: – Форма одежды?

– Удобная. В чем тебе удобнее всего?

– В штанах... В брюках, я хотела сказать.

– Ну и прекрасно! Ничего, что я тоже в штанах?

Когда она, переодевшись, вышла, Денис с Андреем играли возле дерева в «ножички». Осторожно прикрыв дверь

подъезда, Соня какое-то время постояла, не шевелясь и пристально наблюдая за ними. Все выглядело так, будто отзывчивый отец играет с непоседливым сыном. Жесты Андрея были неторопливы и обстоятельны, а с лица не сходила ироническая усмешка. Денис же горячился, промахивался и ругался. Нож плохо слушался его, и Денис безбожно проигрывал.

Андрей заметил ее первым и, забрав нож, аккуратно вытер лезвие вялым лопухом. Подскочив, Денис бросился к ней, на ходу поправляя растрепавшиеся волосы.

– Ты видела? Я почти выиграл! – возбужденно заговорил он, потом отступил, откинул голову и, прищурившись, произнес тоном довольного работой художника: – Какая ты красивая! Я просто не знаю, что сказать!

– Ты уже все сказал. – Она похлопала его по руке, и ее тут же кольнуло чувство вины, какое она всегда испытывала, если приходилось обманывать мать.

Расслабленные мышцы живо откликнулись на ее прикосновение. Денис замер, губы его распахнулись, а ресницы смущенно захлопали, будто она была первой женщиной, дотронувшейся до него. Соня с отчаянием подумала: «Как же ему это удастся?! Прямо святая невинность... Потому все и зовут его мальчиком».

Андрей держался поодаль, рассеянно поглядывая по сторонам. Никогда прежде Соне не приходилось видеть вживую человека с телохранителем, но теперь она находила, что вы-

глядит это довольно буднично. Просто робкий парень позвал с собой друга, чтобы прогуляться с девушкой. В школьные годы мальчишки часто так делали... Она пытливо всмотрелась в лицо Дениса: кто же ты все-таки? Простодушный ребенок или тертый хитрец?

У нее была неделя, чтобы выяснить это.

– У вас хороший дом, – одобрительно отозвался Денис и, задрав голову, мечтательно добавил: – Голуби летают...

– Им чем-то приглянулся наш двор, – усмехнулась Соня. – Они всегда слетаются сюда целыми стаями. Гадят ужасно!

Не опуская головы, Денис сказал:

– Люблю голубей... Я говорил тебе, что когда-то мой отец разводил турманов? Знаешь? Они еще кувыркаются в поле-те.

– Сколько тебе тогда было?

Он неуверенно дернул плечом:

– Лет десять. От меня на голубятне толку немного было, но мне там жутко нравилось. Мама рассказывала, что у многих народов голубь считался священной птицей.

Соня решилась:

– А чем занимается твоя мама?

Его глаза резко сузились и превратились в две пулеметные щели. Тщательно процеживая слова, Денис спросил:

– Разве я не говорил тебе? Она умерла.

– Нет, ты не говорил мне. Извини. Я не знала.

– А мне казалось, ты знаешь...

– Откуда?

– Мне казалось, ты все обо мне знаешь...

Испуг накрыл ее жаркой волной: что ему известно? Вдруг его мачеха проболталась? Или он подслушал? С него станет... Соня виновато улыбнулась:

– Пока нет, но мне хочется узнать.

Он отцепил прищипленные к майке темные очки и отгородился от нее. Соня еще не встречала человека, который настолько менялся бы, пряча глаза.

– Ну что, пойдем? – отрывисто спросил он и коротко свистнул Андрею.

– Ты подзываешь его, как собаку...

– Телохранитель и должен быть собакой. Но это ничего не значит, я люблю собак. Правда, голубей я люблю больше. Они тоже служат человеку, но в них есть гордость. Они сродни соколам, только никого не убивают. А ты знаешь, что еще ни одному охотнику не удалось приучить сокола приносить добычу к его ногам?

– Может, дело просто в недостатке интеллекта у птиц?

– Нет, – быстро откликнулся Денис. – Дело совсем в другом. Жаль, если ты этого не понимаешь...

– Иллюзия может нравиться, но это не значит, что она соответствует действительности.

Он внезапно остановился и обеими руками приподнял Сонино лицо:

– Тебе не скучно жить без иллюзий?

Ее мысли вдруг наполнились веселым покоем, словно от теплых рук Дениса исходила та особая энергетика, что излечивает уже потерявших веру.

– Отпусти меня, – жалобно попросила она. – Люди смотрят...

Он с удивлением повторил:

– Люди смотрят? Понятно...

Его руки разжались, и Соня едва удержала голову.

«К концу дня он поймет, что мое сходство с его матерью – такая же иллюзия. Если он потеряет ко мне интерес так быстро, то я не успею его разгадать. Но что во мне может удержать такого человека, как он?» – в панике думала Соня, шагая рядом с ним по улице, называвшейся наивно и радостно – Весенняя. Разозлившись на себя, она заговорила:

– А я тоже кое-что вспомнила о голубях. Моя бабушка говорила, что будто бы после смерти Христа собрались голуби и печально ворковали: «Умер, умер», – а воробьи скакали рядом и чирикали: «Жив!»

– Ну и что? – Его красивый рот недовольно искривился. – Хочешь сказать, что эти птицы – прирожденные пессимисты? Что они готовы тотчас поверить в худшее? Почему же тогда именно голубь олицетворяет Святой Дух?

– Я... я не знаю. Я над этим не думала.

– Хотя в чем-то ты права, – неожиданно смягчился Денис. – С чего бы голубю быть оптимистом? Никого из представителей птичьего рода не убивали в таком количестве, как

голубей. Я читал, что в Америке только за десять лет в конце прошлого века были убиты миллионы странствующих голубей. Можешь себе представить? Миллионы! А вот когда их всех перебили, тогда установили мемориальную доску. Это человек умеет. Сначала убить, а потом поставить шикарный памятник.

– Ты говоришь о...

Он не дал ей договорить:

– О голубях. Разве ты не слушала?

– Нет, я все слышала.

– Погода хорошая! – Он с наслаждением втянул воздух. – А ведь обещали дождь. Человек не может не солгать, даже составляя прогноз погоды.

– Ошибиться, – поправила Соня. – Неужели ты думаешь, что синоптики сознательно нас обманывают?

– В том-то и дело, что бессознательно. В этом-то вся и беда.

– На самом деле ложь не так уж страшна, – взвешивая каждое слово, предположила Соня. – Я не имею в виду какую-нибудь глобальную, политическую ложь. Но на бытовом уровне иногда проще утаить правду, и никому это не приносит вреда.

Денис снял очки, но взгляд его остался непроницаемым. Покосившись на шагающего позади Андрея, он негромко спросил:

– А если бы ты выяснила, что у твоего больного неизле-

чимый порок сердца и операция уже не поможет... А он не догадывается об этом и собирается, допустим, жениться. Ты бы солгала ему или сказала правду?

Соня с сожалением покачала головой:

– Ты плохо представляешь человека с тяжелым пороком сердца... Такие люди всегда знают, что с ними, потому что их наблюдают с самого рождения. А неоперабельные больные обычно не доживают до возраста, когда можно жениться...

Но эти печальные подробности Дениса мало интересовали. Он нетерпеливо спросил:

– Но я же говорю – допустим! Ты бы лишила его нескольких месяцев счастья?

– Не знаю. Это слишком трудный вопрос. Мне ни разу не приходилось стоять перед таким выбором. Может, и не лишила бы.

– А как же его жена? – Голос зазвучал строго. – Чем для нее обернулась бы твоя ложь во спасение? Вдруг она забеременела бы за это время?

Он остановился, кусая губы и глядя на синий скалистый берег по ту сторону реки, на ощупь нашел ее руку.

– Человек должен знать, если он болен. Тем более каждый догадывается о своей болезни.

Отгоняя темную тревогу, возникшую в солнечном колыхании воздуха, Соня шутливо хлопнула его по мгновенно напрягшемуся животу.

– Но ты-то здоров, судя по всему! Зачем тебе об этом думать?

– Да, – он с облегчением улыбнулся, – я здоров. Ты уже догадалась, куда мы идем? А ты, мой верный Санчо Панса?

Он на ходу обернулся к Андрею и легонько ткнул его в бок. Тот увернулся и молча пожал плечами.

Наклонившись к Денису, Соня шепнула:

– Слушай, а от кого он тебя охраняет? У тебя есть враги?

– Понятия не имею, – беспечно отозвался он. – Может, и есть. Это идея отца. Может, у него есть враги...

– Может? Вы что, не общаетесь с ним?

– Почему же, общаемся. Вчера он даже зашел пожелать мне спокойной ночи и еще как-то странно посмотрел на меня. Но неужели ты думаешь, он станет рассказывать мне о своих делах?

– А что в этом особенного? Мы с отчимом говорим обо всем на свете.

– У тебя отчим? – удивился Денис. – Я не знал...

– Конечно, не знал. Я еще не говорила о нем.

– Разве ты точно помнишь, что говорила? – не поверил он. – А я вот вечно все забываю...

Соня решила вернуться чуть назад.

– Почему ты назвал его Санчо Пансой? Ты читал «Дон Кихота»?

– Читал. А что, по мне не скажешь?

– Скажешь, скажешь! А вот как звали жену Толстого, ты

не помнишь.

Денис пренебрежительно отмахнулся:

– Я не люблю Толстого. У него нет фантазии, один голый реализм. Гоголь мне нравится больше.

«Еще бы, он был таким же сумасшедшим», – едва не сказала Соня.

– Значит, тебе нравится фантастика?

– При чем тут фантастика? Разве Гоголь – фантаст? Или Сервантес? Ты что, считаешь меня слабоумным?

– Нет-нет, – заторопилась Соня. – Я, признаться, не сильна в литературе.

– Зачем же ты завела этот разговор?

– Но мне приходится много читать по специальности, – словно оправдываясь, произнесла Соня и нахмурилась: «Еще не хватало выкручиваться перед каким-то мальчишкой!»

Без сожаления Денис заметил:

– А у меня нет специальности. Так что я могу читать все, что захочу.

Она с завистью вздохнула:

– Впервые встречаю человека, имеющего возможность следовать всем своим желаниям.

– Но это же естественно!

– Выходит, все мы живем противозаконно.

– Скорее это значит, что сами желания противозаконны. У меня таких нет, поэтому мои легко сбываются.

– Разве человек не должен руководствоваться в первую очередь разумом и необходимостью, а потом уж удовлетворять свои прихоти?

– Ты говоришь, как католический священник... – с опаской заметил Денис. – Ты ведешь очень правильную жизнь? Да, Соня?

Она не сразу нашлась что ответить.

– Мне приходится все просчитывать на два шага вперед.

– Приходится? Почему?

– В нашей семье всегда выше всего ценился талант. Я не могу позволить себе остаться заурядным врачом. Бездарностью.

Сморщившись, Денис пожаловался:

– Как это сложно! Мои желания более просты...

Внезапно остановившись, он порывисто прижал Соню и быстро, по-птичьи, коснулся ее губ. Отстранился и снова надолго припал к ним. Он целовал так, будто пил и поил одновременно, и жаркая влага растекалась ото рта по всему телу, растворяя и мышцы, и ткани...

Когда он оторвался от ее губ, Сони больше не существовало.

– Вот видишь, – переведя дыхание, сказал Денис ей в тон. – Любое желание может сбыться...

Глава 7

Самый старый, но до сих пор безымянный городской сад уводил от центра города прямо к реке. Все его пространство, за исключением отвоєванных человеком асфальтовых дорожек и площадок для каруселей, захватили высокие, устремленные в сторону реки тополя. Когда Соня была маленькой, отчим приводил ее сюда зимой и учил кататься на коньках прямо по обледеневшим аллеям. Коньки были не красивыми, белыми, а простыми, «мальчуковыми», как говорила мама. Потом, когда дела у отчима пошли на лад, он подарил ей фигурные, но к тому времени Соня уже потеряла к этому занятию интерес и даже в душе обиделась на Валерия Ильича, что он добился успеха так поздно.

После школы она бывала в городском саду всего несколько раз и теперь с любопытством озиралась, то и дело осеяемая узнаванием. Денис незаметно следил за ней, она чувствовала, но почему-то это ей было даже приятно.

— А здесь была «Ромашка», — вспомнила она, с сожалением, как от внезапной потери, оглядев пустые плиты, на которых кое-где топорщились кустики травы.

Денис с готовностью подхватил:

— Я помню! Может, мы даже вместе катались на ней.

— Может. — Она засмеялась. — Но я бы тогда на тебя и не взглянула. Мне нравились мальчишки постарше.

Он тут же парировал:

– А мне девочки помладше.

– А я никогда тут не катался, – вдруг вступил в разговор Андрей. – Мы жили в деревне. «Тарзанки» делали.

– Мы тоже делали, – не уступил Денис.

– И мы, – подхватила Соня. – С них-то все и началось. Потом меня потянуло в небо.

Денис посмотрел на нее с какой-то нежной благодарностью и нашел ее руку. Пальцы у него были твердые, но ласковые. Они словно неумело плели паутину, в которой Соня запутывалась все больше. Его неловкость и порывистость так противоречили всему сказанному о нем Зиминной, что Соня просто терялась. Существовали ли на самом деле все эти женщины, соблазненные и покинутые? В это было трудно поверить, но природное чутье уверенно подсказывало: да, существовали. И это противоречие в Денисе – его наивная жестокость и страстная невинность – волновало до того, что становилось все труднее дышать и совсем невозможно удерживать руки, которые так и тянулись к его плечам.

С той минуты, как он поцеловал ее, Соня погружалась в незнакомое, полубезумное состояние, когда все время хочется смеяться и болтать глупости. А мыслей нет вовсе, одни беспокойные, как прибой, ощущения близости его влажной от жары кожи, его твердого локтя, то и дело задевавшего ее, его не прикрытой майкой груди, о которую так и тянет потереться щекой. Произнося какие-то слова, отвечая и спра-

шивая, Соня брела, как в тумане, и убежденно думала, что каким-то образом заразилась от него и сходит с ума, потому что до сих пор не испытывала ничего подобного и была вполне здравомыслящим человеком. Конечно, Соня и раньше влюблялась и была близка с мужчинами, случалось, и рыдала ночами, но никогда не теряла головы.

У нее было железное правило: не заводить романов с коллегами и пациентами, и ей ни разу не довелось его нарушить. Теперь же она совершала одну ошибку за другой и не могла остановиться. Даже если Соня глядела в другую сторону, от одного присутствия этого фантастического мальчика у нее мутилось в голове.

– Лето в самом разгаре, а смотрите, кое-где уже желтые листья, – произнесла она, все еще надеясь отрезвить себя с помощью слов. – Как все быстро проходит...

– Не все. Но осень часто наступает раньше, чем мы ее ждем, – Денис задумчиво обвел взглядом недоступные верхушки и неожиданно прочел:

Мы пройдем по осени с тобой
Тихою, чуть слышною аллеей,
Где, от близости зимы светлея,
Повенчается закат с травой.
Мы к обрыву вечному придем
Высотой ничьею насладиться,
И споет невидимая птица,
Как бездомно в осени вдвоем.

- Чьи это стихи? Ты же знаешь, я не сильна в литературе.
- Тебе понравились? Это тоже Аннушкины.
- Они посвящены тебе?

Не ответив, Денис распорядился:

- Андрей, возьми два билета на «чертово колесо».

Тот встрепнулся:

- Почему два? Кто не поедет?
- Конечно, ты. Кто же еще?
- Нет, я поеду.
- Нет, не поедешь.

Денис сжал ее руку и заслонил собой, словно собирался драться. Он забыл, что никто на свете не смел тронуть Дениса Зимина, пока рядом с ним находился телохранитель. Даже сам телохранитель. Стараясь сохранять невозмутимость, Андрей напомнил, что всего лишь выполняет свою работу.

- А мне плевать на твою работу! – отрезал Денис. – Может, ты еще в постель со мной полезешь?

- А ты уже собрался в постель?

Короткий удар в живот застал Андрея врасплох. Глухо крикнув, он скорчился и с трудом продохнул. Денис наблюдал за ним, покусывая побледневшие губы. Спина его подрагивала, как у готового к гонке коня. Соня положила ладонь ему на плечо, но он даже не почувствовал этого.

«Однако...»

Эта вспышка бешенства мгновенно привела Соню в чув-

ство. Все разом встало на свои места: рядом был эмоционально неуравновешенный пациент, за которым нужен глаз да глаз. Когда Андрей выпрямился, яростно сопя и сжимая зубы так, что казалось, эмаль сейчас раскрошится, она шагнула вперед и ободряюще тронула его руку. Он тут же отдернул ее.

– Не волнуйся. – Соня постаралась, чтобы ее голос прозвучал убедительно. – Я не сброшу его с высоты. Ты же понимаешь это.

– Черт с вами, – процедил он. – Делайте что хотите.

И отошел к кассе.

Денис молча поигрывал ключами от машины. Краски вернулись к его лицу, и теперь не прикрытые волосами уши горели. Раскаяние вновь придало его лицу детское выражение, но теперь Соня была настороже.

– Ты испугалась? – выждав паузу, спросил Денис и наконец поднял глаза. – Я не хотел этого. Особенно при тебе. Я никогда его пальцем не трогал. Я ведь понимаю, что он не может ответить. О господи...

Он вдруг с силой отшвырнул ключи и закрыл лицо руками. В тот же момент Андрей выскочил из очереди и, на бегу подобрав связку, схватил Дениса за плечи.

– Что случилось?!

Соня содрогнулась от вспыхнувшего ненавистью взгляда телохранителя. Она качнула головой, но Андрей уже не смотрел на нее. Насильно опустив руки Дениса, он с трево-

гой заглянул ему в лицо.

– Что с тобой, малыш? Ну, успокойся, я здесь. Она тебя обидела?

Не отвечая ни слова, Денис мотал головой и все норовил спрятать лицо. Андрей по-отцовски прижал его к груди, и тот постепенно успокоился, затих. От потрясения Соня не могла вымолвить ни слова, только смотрела на них во все глаза.

– Иди же возьми билеты! – не выдержал Андрей, но Денис оторвался от него и глухо сказал:

– Не надо, я сам.

Когда он отошел, Андрей сердито спросил:

– Ты хочешь его вылечить или окончательно свести с ума?

– А при чем тут я?

– До тебя с ним такого не случалось. Ты смотришь на него, как на пустое место, вот он и заводится. Может, он и был лунатиком, но не психом. Мы с ним никогда не ссорились.

– А ты сам видел его на крыше?

– Сколько раз. Я ведь живу во флигеле во дворе.

«В будке», – язвительно перевела Соня.

– Тебе нравятся его песни?

Андрей опять занервничал:

– Какая разница? Дело не во мне. Это ведь ненормально, то, что он делает? Человек не должен петь во сне.

– Люди делают много такого, чего делать бы не должны. Но ведь от него никому нет вреда, правда?

Лицо Андрея вдруг просветлело.

– Так ты не считаешь его больным? Тогда скажи это его отцу, пусть, наконец, оставит Дэньку в покое! Он ведь и меня-то нанял не столько охранять его, сколько следить, чтоб Дэнька чего-нибудь не выкинул.

– Тебе жаль его? – с сочувствием спросила Соня. Ей начинал нравиться этот свирепый парень.

– Да при чем тут жаль? – огрызнулся он. – Дэнька не инвалид, чтоб его жалеть, и не блаженный какой-нибудь. Он из меня, можно сказать, человека сделал, несмотря на то, что я его чуть не на десять лет старше. Я до встречи с ним двух слов без мата связать не умел. А Дэнька со мной часами разговаривал, размышлял вслух. Мы просто бродили по городу и разговаривали. Сначала только он, потом и я научился. Он мне столько книг пересказал! Знаешь, сколько он прочитал... Его мама ведь библиотекарем была, приучила. Не эта, что сейчас, – презрительно растянув выпяченные губы, пояснил он. – А настоящая.

– Тебе не нравится его мачеха? А какие у них отношения?

– Не знаю. Нормальные. Дэнька никогда о ней не говорит.

– Но ты ведь бываешь у них, видишь?

– А что я вижу? «Доброе утро», «Приятного аппетита» – вот и все.

– Ты давно с ним?

– Три года. Тихо, он идет.

Они разом замолчали, безразлично поглядывая по сторо-

нам. Если Денис и заподозрил неладное, то ничем себя не выдал. Глаза его вновь были непроницаемы, но улыбка застыла в уголках губ. Когда он улыбался, его хотелось погладить по лицу.

— Готово! — весело объявил Денис и помахал билетами. — Андрюха, ты едешь с нами, пошли.

Он подхватил Соню под руку и потащил к карусели. Пропустив ее вперед по узкому, огороженному белыми решетками загончику, он обернулся и, придерживав Андрея, что-то тихо сказал. Телохранитель смотрел на него сверху, но не свысока. Оглянувшись, Соня отметила, как размягчилось его собранное лицо. Гроза миновала, и как после дождя, стало легче дышать, потому что ослепительная молния разбила душившее Соню наваждение. Она окинула Зимины беспристрастным взглядом: отлично сложенный мальчик, и мордаха неплохая, но ничего магнетического в нем нет. С чего она так раскисла? Но стоило ей вспомнить поцелуй, как вокруг сердца вновь сомкнулось холодное кольцо. Однако Соня знала, что воспоминания имеют власть только над теми, кто ни чем не хочет с ними расставаться. Она же никогда не считала себя склонной к ностальгии ни в одном ее проявлении.

Желтые и красные кабинки, сдержанно грохоча, проплывали мимо, но Денис никак не мог выбрать подходящую. Наконец он запрыгнул в желтую и, по-особенному наклонив голову, как только он один и умел, подал Соне руку. Андрей легонько подтолкнул ее сзади.

– Мне понравился желтый цвет, – усевшись, заявил Денис. – Когда я тебя увидел, ты была в желтом.

– Говорят, это цвет разлуки. – Ей вдруг стало не по себе. Но Андрей решительно опроверг:

– Я специально узнавал у цветочницы. Она сказала, что желтые цветы – к деньгам.

Денис мягко упрекнул его:

– И ты ей поверил? Цветы и деньги существуют в разных плоскостях. Они даже пересечься не могут.

– Но мы ведь платим за цветы!

– Платим. Но цветы-то этого не знают. Они уже мертвы к тому времени.

Кабинка медленно поползла вверх, и все замолчали, поглядывая по сторонам. Тополя нехотя уступали место серым, безрадостным крышам и заводским трубам. Денис тронул Соню за мочку уха.

– Ты правда прыгала с парашютом?

– А ты решил, что я просто хотела произвести впечатление?

– Нет, – не сразу ответил он. – Хотя это, безусловно, произведет впечатление на любого. Но я уверен, что ты не стала бы меня обманывать. У тебя не такие глаза, чтобы лгать.

Андрей отвернулся и уставился на темную полосу реки. Прилетавший оттуда ветер приносил запах лодочного бензина и рыбы, которая уже давно здесь не водилась. Говорят, когда-то в их реке ловили даже хариусов... Соня не помнила

такого времени. Осторожно откинув голову, она стала следить за облаками. Ей нечасто доводилось подолгу смотреть на небо, и прозрачная голубизна поразила ее своей бездонностью.

– А тебе нравилось прыгать с парашютом? – снова спросил Денис.

– Мне нравилась сама высота. До того, что хотелось петь. Ты никогда не испытывал такого?

Не меняя положения, она увидела, как Андрей медленно повернулся, и тогда опустила голову, испугавшись, что он подаст Денису какой-нибудь знак. Но неподвижное лицо охранника не выражало ни любопытства, ни тревоги. Когда Денис ответил, она услышала голос человека, говорящего о вещах, малозначительных для него.

– Пожалуй, нет. Но я ведь никогда и не забирался особенно высоко.

– Выше крыши? – попыталась пошутить она.

– Да я и на крыше, кажется, ни разу не был. А что мне там делать?

Соня весело произнесла:

– У моей бабушки в деревне был сосед. Днем – обычный человек. А по ночам забирался на крышу своего дома и пел. Причем во сне. Очень странный случай сомнамбулизма. Что бы ты сказал о таком человеке?

Побарабанив пальцем по ровному носу, Денис спросил совсем как она у его мачехи:

– А хорошо пел?

– Хорошо.

– Тогда в чем дело? Он раздражал соседей?

– Нет. Но они беспокоились за него.

– Почему? Ведь он не буйствовал и никого не оскорблял.

Когда человек поет – он счастлив. Разве не так?

– Его песни не назовешь веселыми...

– Думаешь, Шекспир не был счастлив, когда ему удавались трагедии?

– Ты считаешь, надо было оставить его в покое? – равнодушно спросил Андрей. – Мне тоже так кажется.

– Смотрите, мы на самом верху. – Денис вдруг встал, и телохранитель предусмотрительно вытянул руку, перекрыв проем.

Денис снисходительно потрепал его спутанные ветром кудри.

– Думаешь, я бы не улизнул от тебя, если б захотел? Вот смотри!

Он резко отскочил и перемахнул через край с обратной стороны. Под Сонин вопль Андрей рванулся за ним, но Денис уже спустился на металлический переплет, идущий от кабинки к центру.

– А ну, вернись! – срывающимся голосом приказал Андрей. Глаза его остекленели от ужаса. – Ты что, совсем рехнулся?

Страх выступил на ладонях испариной. Соня машиналь-

но потеряла их, поднеся к лицу, и сморщилась: от рук пахло железом. Ей подумалось, что это и есть запах страха – удушливый, острый запах, который так болезненно чуют собаки. От Дениса такого запаха не исходило, хотя губы его подрагивали.

– Соня, – окликнул он, по-прежнему улыбаясь, – о ком ты говорила? Кто этот несчастный? Ты ведь не какого-то старика из деревни имела в виду... А кого? Кто это поет по ночам на крыше? Ты что-то скрываешь от меня? Это что, ловушка такая?

– Денис, бога ради, иди сюда, – умоляюще проговорил Андрей. Казалось, язык у него распух и ворочается с трудом. – Что ты издеваешься надо мной? Что она может от тебя скрывать, вы ведь только вчера познакомились! И ты же сам к ней подошел...

– Я не мог к ней не подойти, – пробормотал Денис и нехотя признал: – Но, в общем, это выглядит не слишком правдоподобно.

Соня строго прикрикнула:

– Ты ведешь себя как избалованный ребенок. Вернись немедленно!

Иногда необходимо ударить по больному, решила она. Его так пугает собственная незрелость, и все же он не спешит с ней расстаться. Как дошкольник, которого изводит качающийся зуб и который готов жизнь положить, чтобы только не подпустить близко маму с шелковой ниткой.

Встав на бортик кабины, Андрей подался вперед, напряженно вытянув руку. Но Денис без труда справился сам. Спрыгнув на сиденье, отчего кабинка испуганно взметнулась, он беззаботно усмехнулся:

– Внизу приготовились к линчеванию.

Возле выхода с аттракциона уже толпились разъяренные билетерши. Их яростные возгласы до них, однако, не долетали, словно им мешал невидимый, защищающий Дениса купол, который спускался вместе с кабиной. Денис подтолкнул Андрея в бок:

– Наконец-то тебе придется поработать!

– Я бы убил тебя собственными руками, больной сукин сын!

– Не повторяй дурацких киношных выражений! – строго сказал Денис. – И никогда ты меня не убьешь. Где ты еще найдешь такую работу? Со мной ведь никаких хлопот! Я даже в ночные клубы не хожу.

– Помолчи, а? – взмолился Андрей, усаживая его на сиденье. – Ты меня с ума сведешь!

Денис внезапно помрачнел и замкнулся. На Сою он не глядел. И, только сойдя на землю, с горечью сказал:

– Что знаете вы оба о том, как сходят с ума?!

Глава 8

Мать позвала ее к телефону, когда Соня, забравшись с ногами на диван, листала руководство по психиатрии. Она не надеялась найти на потрепанных страницах ничего ей не известного, просто пыталась отвлечься. Все случившееся днем до сих пор стояло перед глазами и мешало разглядеть в Зимине больного.

Провожая Соню домой, он за половину пути не произнес ни слова и выглядел осунувшимся и измученным. На углу соседней улицы вдруг остановился у газетного лотка и, казалось, начисто забыл, что его ждут. На его лице, пока Денис проглядывал заголовки, все отчетливее проступало брезгливое любопытство, словно мутный водоворот творившихся в мире событий затягивал его. Все это время Андрей поглядывал по сторонам и не проявлял никаких признаков нетерпения.

– Дурацкая у тебя работа, – пренебрежительно заметила Соня. – Слоняться с бездельником, который не знает, чем себя занять.

Андрей немедленно огрызнулся:

– Твоя не лучше. На мой взгляд, так даже хуже.

– И денег меньше платят, – язвительно подхватила она.

Хотя этот выпад телохранитель оставил без ответа, Соня уже не могла остановиться. Сунув ладони в карманы узких

джинсов и покачиваясь на носках, она звонко спросила:

– И тебе не противно так жить? Не обидно?

– Слушай, отцепись от меня, – посоветовал он, настороженно посматривая на склонившегося над газетами Дениса. – Может, ты и привыкла у себя в больнице допросы устраивать, но я не твой пациент, поняла? И нечего тут выпытывать: не противно, не обидно? Не противно и не обидно, ясно? Дэнъка – мой лучший друг. Почти брат. Я бы за него и бесплатно убил всякого, кто его тронет.

– Что?

Денис обернулся и обвел их рассеянным взглядом.

– Вы ссоритесь?

– Упаси бог! – воскликнула Соня, вскинув руки. – Не хотела бы я с таким поссориться.

– Это уж точно, лучше не пробуй, – заверил Денис. – Посмотри, какие у него кулачищи... Ну, сожми кулак, покажи ей! Я против него – щенок.

Он легонько ударил приятеля в плечо и отскочил, обворотно улыбаясь. Андрей в ответ сделал выпад, имитируя удар, и поднял сжатую руку. Побелевшие костяшки были испещрены тонкими красными прожилками. На безымянном пальце слабо светился ровный след от кольца.

– Ты что, женат? – поразила Соня. Почему-то это казалось ей невозможным.

Быстро спрятав руку за спину, Андрей односложно ответил:

– Был.

– Ладно, пошли, – заторопился Денис. – Я еще обещал...

Соня так и не узнала, что же он обещал. «Наверное, к Аннушке заехать». Она пыталась мыслить отстраненно, но его нетерпение показалось ей оскорбительным. Что-то напевая себе под нос и улыбаясь, он толкал ногой отколовшийся кусок асфальта и не обращал на Соню ни малейшего внимания. Когда Андрей привычно отстал, она спросила:

– И давно он в разводе?

– Кто? А, уже с год.

– Из-за чего он развелся?

Не моргнув глазом, Денис поправил:

– Из-за кого. Из-за меня.

– Что?!

– Я отнимал у него слишком много времени, его жене это не нравилось. Я ее вполне понимаю. Но я не заставлял его постоянно находиться при мне, честное слово! Он сам этого хотел.

– И хочет, – подсказала Соня.

– Наверное. – Он с невинным видом склонил голову. – Хотя за это время я бы себе уже надоел.

– Тебе быстро надоедают люди?

– Люди? Нет. Не знаю. У меня, кроме Андрея, нет друзей.

– Но подруг-то у тебя много?

– Нет, – сразу ответил он. – Подруга – это тот же друг, только женского рода. Кроме Аннушки, у меня нет подруг.

Но если тебе не терпится узнать о моей половой жизни, то здесь все в полном порядке.

«Вот скотина!» – восхитилась Соня, однако вслух сказала:

– Почему ты думаешь, что меня это интересует?

– А разве это может не интересовать?

– Похоже, для тебя это главная ценность в жизни...

Денис замер и звонко шлепнул себя по ноге сложенной газетой. Сдвинув прямые брови, он резко спросил:

– С чего ты взяла? Что ты вообще знаешь о моей жизни?

Соня послушно согласилась:

– Ничего. Может, расскажешь? Мне хочется узнать.

В его узких потемневших глазах метнулось подозрение.

Будто прося поддержки, он оглянулся на телохранителя, и тот, не дожидаясь, пока его позовут, как опытная собака, пришел на помощь.

– Нам пора, Дэнкя, – сурово напомнил он. – Еще светло, она вполне доберется сама.

– Конечно, – обиделась Соня, – я вообще не просила меня провожать. Я-то как раз не нуждаюсь в телохранителе!

– Ты самостоятельная, да? – отступая и чуть наклоняясь, как бы готовясь к прыжку, выдохнул Денис. – Доктор. Ты сама зарабатываешь себе на жизнь. Тебе на всех наплевать, хоть в лепешку разбейся! Ты ни в ком не нуждаешься. Может, у тебя и вибратор есть?

Не успела она и махнуть, как Андрей перехватил ее руку. Жарко дохнув в лицо, он прошипел:

– Не смей больше так делать!

Соня вырвалась и быстро пошла к своему дому. Ей хотелось пуститься бегом, но бегство означало бы поражение. На неровных плитах, которыми была выложена аллея, было легко поскользнуться, но Соня крепко держалась на ногах. Уходящее на покой солнце сочувственно согревало спину, а может, это обжигал чей-то безумный взгляд.

«Зря я ввязалась в эту историю! – ругала себя Соня. – Какая из меня актриса?! Курам на смех... Едва не раскисла от одного поцелуя! Черт бы побрал всех этих мужиков, никогда не знаешь заранее, чем это для тебя обернется... В одном он прав: лучше потратиться на вибратор, чем так мотать себе нервы».

Вернувшись домой, Соня приняла контрастный душ, напилась кофе и даже взялась читать справочник по психиатрии. В разделе об амбулаторных автоматизмах она прочла, что особую их форму представляет пароксизмальный сомнамбулизм (снохождение). Чаще это свойственно детям и подросткам. «Мальчик... – вспомнилось ей. – Зимина все время называла его мальчиком».

Пробежав глазами несколько страниц, Соня остановилась на абзаце: «Относительно редкой и недостаточно изученной является группа сенсорных („психосенсорных“) припадков, к которым относятся соматосенсорные, зрительные, слуховые, обонятельные и вкусовые припадки... Галлюцинаторный вариант проявляется сложными соматосенсорными пе-

реживаниями, например, ощущениями лишней конечности, восприятием красочной сцены, музыкальной мелодии...»

– Тебя к телефону, – сказала Тамара Андреевна, заглянув к дочери, и, не скрывая сожаления, добавила: – Это не Денис...

Взяв трубку, Соня с трудом распознала голос Андрея: телефонная связь делала его каким-то механическим.

– Ты очень занята? – не здороваясь, спросил он.

– Не очень. А что случилось?

– Пока ничего, но может случиться. Мы с ним в том же кабаке, где тогда обедали. По-моему, Дэнкя решил напиться до полной отключки. Я хотел спросить: ему это не вредно?

– Вредно. Это любому вредно.

– Я говорю о нем. Как это отразится на его психике?

– Ты же считаешь его здоровым человеком...

– Я тебя спрашиваю! Ты – врач.

– С его склонностью к психопатии... Конечно, ему лучше вообще не пить. Ты можешь его остановить?

Немного помолчав, Андрей с неохотой признал:

– Нет. Он меня не слушает. Ты не могла бы прийти?

– В ресторан?

– А куда же?! Ты там не одна, что ли?

– С родителями.

– Так давай, собирайся!

– Мы так расстались... Ты уверен, что он захочет меня видеть?

– Слушай, кто из нас психолог?!

– Психиатр, – поправила Соня.

– Один черт! Ты что, правда не понимаешь, что это он из-за тебя тут напивается? Или просто решила над ним поиздеваться?

– Не болтай, – строго остановила Соня. – Зачем мне над ним издеваться? Он мой пациент.

– Он тебе не пациент! Он – человек, понимаешь? И ему плохо, потому что он влюбился, как дурак, в женщину, у которой калькулятор вместо сердца. И я ничего не могу с этим поделать.

– Хорошо, я сейчас приду, – резко ответила Соня. – Только ты не смей больше говорить мне про калькулятор!

Наспех перебрав свой небольшой гардероб, она остановила выбор на телесного цвета узком платье. Мать всегда ужасалась, видя Соню в нем, и говорила, что она выглядит голой. А отчим посмеивался и украдкой показывал большой палец.

Крикнув матери, что ненадолго уходит, Соня выскочила за дверь и бегом спустилась по лестнице. Перестук каблучков дробно разлетался по подъезду и пульсировал в висках. Соня решила, что это бунтует выпитый кофе, и не поверила себе.

Ресторан был совсем рядом – через два дома, и можно было не торопиться, но Соня с каждой минутой ускоряла шаг. Вечер дышал в лицо свежестью, охлаждая голову, но веселя кровь. С удивлением прислушавшись к ее пьяному волнению, Соня залюбовалась отчаянной мыслью: «А не напиться

ли мне вместе с ним? И в кои веки переспать с шикарным мужиком... Может, это окажется лучшая ночь в моей жизни. Сколько их было-то...»

Подойдя к стеклянным дверям ресторана, она без труда нашла Дениса. Он сидел спиной к ней, подперев рукой щеку, и, видимо, что-то говорил, потому что Андрей не отрывал от него взгляда. Но стоило Соне появиться в зале, телохранитель тут же заметил ее, и губы его шевельнулись. Тяжело опираясь о стол, Денис поднялся и неуверенно двинулся к ней навстречу.

«Сколько же он успел выпить?!» – поразилась она и торопливо подхватила его под руку. Он вцепился в ее запястье и жалобно простонал:

– Соня...

– Пойдем за стол. – Она усадила его обратно. – Что, ребята, гуляете?

– На всю катушку, – мрачно сказал Андрей. – Присоединись?

– Может, лучше пройдемся? Такой вечер...

– Нет, – протянул Денис. – Ходить я уже не в состоянии. Только ехать. Ты поедешь со мной?

– Зачем? Андрей доставит тебя в лучшем виде.

Непонимающе замигав, Денис мотнул головой:

– Нет. Ты не поняла. Ты бы поехала со мной... куда-нибудь? Подальше от всего на свете?

– Мы поговорим об этом потом, завтра. – Соня хотела

взять его безвольную руку, но Денис неожиданно проворно отдернул ее.

– Не говори со мной как врач! Ты ни на минуту не можешь забыть, что ты врач?

– Могу. Я сейчас не врач. Я просто твоя подруга.

– Нет. – Он упрямо склонил голову, и длинные волосы бессильно обвисли. – Ты мне не подруга. Разве ты полезла бы за мной на это «чертово колесо»? Вот он бы полез. И Аннушка бы полезла...

– А ты? – Она знала, что пожалеет об этом, и все же спросила: – А ты бы полез за мной?

Он поднял печальные пьяные глаза, четко очерченные губы его изогнулись.

– Разве ты не поняла? Я ведь и полез за тобой. Чтобы дотянуться до тебя. Да, видно, не дотянулся...

– Денис, пойдем отсюда, – начала Соня, но ее перебил возторженный возглас:

– Дэник, солнце мое! Ты здесь! А я уж и не чаяла тебя увидеть.

Дэник... Знакомый голос с пляжа заставил Соню напрячься. Сцена заполнялась новыми, вернее, старыми героями, и нужно было приспособливаться к ним, а Соня почувствовала себя разбитой. Вся эта сумасшедшая жизнь была не по ней...

– Садись, Ленка, – ровным голосом пригласил Денис. – С кем-то встречаешься?

– После тебя-то? Нет. Так, заглянула. Думала, вдруг уви-

жу своего Дэника. – Она криво усмехнулась. – Что пьем? О, хороший коньяк. Это твоя новая девочка? – Она протянула через стол узкую позолоченную руку. – Магдалена.

– Ленка, – ласково поправил Денис. – Моя предпоследняя пассия... Как поживает наш кот?

– Скучает по тебе.

– Будет врать-то. – Он слегка коснулся пальцем кончика ее носа. – Никто по мне не скучает. Особенно кот.

Магдалена упрямо наклонила голову:

– Нет, скучает. И не он один.

– Ты такая красивая, Ленка, – мечтательно произнес Денис. – Ты и сама не знаешь, какая ты...

Соне захотелось встать и уйти, но она заставила себя молча улыбаться и не забывать, что она прежде всего – доктор, а значит, не имеет права злиться на пациента. Даже если тот делает все, чтобы вывести ее из себя. «Запахнуть бы его в психушку, – закипая, думала она. – Там бы с него быстро спесь сбили. Не за этим ли и приходила Зимина? Если с нею он ведет себя так же, ее нетрудно понять». Золотые искры от тонких пальцев, которые порхали над столом, но все не решались дотянуться до лица Дениса, его блестящая лукавством улыбка, последние лучи солнца, захлебнувшиеся в коньяке, – все это резало Соне глаза, и она прятала их, чтобы не выступили слезы.

Когда она все-таки подняла голову, то поймала пристальный взгляд Андрея. Он тут же отвел глаза, предоставив ей

возможность наконец-то разглядеть его как следует. И она пришла к неожиданному выводу, что если б рядом не было Дениса с его необъяснимой, дьявольской обворожительностью, то незаметный телохранитель оказался бы самым привлекательным мужчиной в зале.

– Хорош, да?

Денис хлопнул приятеля по плечу.

– А что, Ленка? А не потанцевать ли нам, пока серьезные люди общаются?

Властная рука Дениса выхватила девушку, и они заскользили между столиками к месту, освобожденному для танцев. Было очевидно, что они проделывают это не впервой, так слились их красивые тела. Только на этот раз Магдалена смеялась так нервно и выглядела настолько оживленной, что любому в этом зале было ясно: она прекрасно понимает, что это их последний танец. Соня видела, как она старается изо всех сил, вкладывая в каждое движение все то страстное отчаяние, что накопилось в ней за эти страшные дни без Дениса. А он подзуживал ее, отступая и любясь, и его приоткрытые в улыбке губы источали трепет обольщения.

– Да он кокетничает с ней! – в гневе воскликнула Соня.

– Вовсе нет, – сказал Андрей. – Он всегда такой. Просто такая манера. Он и мне так улыбается, когда разыграется. Когда мы начинаем боксировать или что-нибудь в этом роде. Выглядит действительно, будто Дэнкя соблазняет, но это не так. А может, и так. Ему хочется, чтобы его все любили, а

ведь по-настоящему его не любит никто. Кроме Аннушки и меня, конечно.

– Ты разошелся с женой из-за него? – напрямик спросила Соня.

– Это он тебе сказал? Да, в общем, я этого и не скрываю.

– Ты считаешь, это нормально?

– Нет. – Он на минуту оторвал взгляд от Дениса. – Все, что связано с Дэнькой, вообще не может быть нормальным. Скоро ты в этом убедишься. Но если ты подозреваешь, что у нас с Дэнькой какие-то особые отношения, то зря.

Соня смущенно пробормотала:

– Ты так смотришь на него, будто любишься...

– А я на самом деле им люблюсь, – не моргнув глазом подтвердил Андрей. – Разве им можно не любоваться? Если тебе это действительно важно знать, то я отношусь к нему как к ребенку. Как к сыну, хотя я, конечно, не гожусь ему в отцы. Я брата своего так не нянчил, как Дэньку. Я его оберегаю, опекаю, поддерживаю, успокаиваю, спать укладываю...

– Неужели он настолько беспомощен?

– Нет, конечно. Он-то в этом как раз не нуждается. Мне самому хочется это для него делать.

– Ты получаешь за это деньги...

– Это ты мне уже говорила.

В этот момент Денис подхватил обессиленную девушку на руки и, кружась, направился к столику.

– Вот болван, – с нежностью произнес Андрей. – Он кого

хочешь с ума сведет...

Соня холодно возразила:

– Только не меня. Я сама лечу сумасшедших.

– Разве у стоматолога не может заболеть зуб?

– Нет. Потому что существует такое понятие, как профилактика.

– Ну, давай, – насмешливо подмигнул он. – Проводи профилактику.

Денис бережно усадил партнершу, потом стоя допил коньяк и, вытянувшись, отрапортовал, обращаясь к Соне:

– Имею честь пригласить вас на танго.

– Я не танцую.

– Сударыня, вы разбиваете мне сердце! – вдруг завопил он на весь зал и бухнулся на колени.

Андрей толкнул ее под столом ногой и сделал грозные глаза.

– Ну хорошо, – сдалась Соня. – Только не ори так.

– Ты ведь уже знаешь, я делаю что хочу.

Он подхватил ее под локоть как раз в тот миг, когда музыканты снова заиграли. Казалось, все вокруг смотрят на Дениса и улыбаются.

«Счастливчик», – с завистью подумала Соня и тут же вспомнила слова Андрея: по-настоящему его не любит никто. Она непроизвольно прижала его руку и ощутила, как пальцы его на долю секунды разжались, потом вновь осторожно сомкнулись. Когда она боязливо, опасаясь, что они

не послушаются, положила руки Денису на плечи, ей показалось, что он пришел в себя, и выражение веселой бесшабашности сменилось грустным изумлением. Нервная дрожь вырвалась из его пальцев, и Соня напряглась всем телом, пытаясь не пустить ее в себя. Но ей было не одолеть бушевавшие в этом теле природные силы.

Она слабела с каждой секундой и молила про себя, чтобы Денис ни о чем сейчас не спрашивал, потому что у нее начнет заплетаться язык. Хотя Соня и не притронулась к коньяку, но все ощутимее хмелела от его дыхания, и ей хотелось пить и пить эту струйку воздуха, вырывавшуюся из приоткрытых губ. Она и не заметила, что оказалась в их плену – сначала неуловимом, как первый проблеск весны, потом все более настойчивом, увлекающем в безумный водоворот, от которого она всегда старалась держаться подальше.

– Пойдем... куда-нибудь.

Она открыла глаза и встретила с ним взглядом. Его короткие ресницы чуть подрагивали. Соня поднесла к ним палец и уловила кожей быстрое касание, похожее на взмах крошечного крыла.

– Я не могу, – с сожалением ответила она. – Правда, не могу.

– Я тебе неприятен?

– Тебе необходимы объяснения?

Он обиженно поднял брови:

– Мне хотелось бы знать.

– Просто не могу.

– У тебя что-то со здоровьем? Мне можно сказать, я все пойму.

– Моему здоровью можно позавидовать! – с отчаянием сообщила она.

– Что же тогда? Ты не любишь мужчин?

– О господи, конечно, нет!

– Не любишь?

– Люблю...

– Ну слава богу! Тогда у меня есть надежда!

«Я откажусь, – вдруг решила Соня. – Сейчас позвоню Зиминской и скажу, что не рассчитала свои силы. Не то я сейчас просто растекусь тут по полу...»

– Так у меня есть надежда?

– Мне нужно позвонить.

Денис резко отстранился, и лицо его ожесточенно заострилось.

– Как человек с высшим образованием ты могла бы быть и изобретательнее. Позвонить... Это слишком старая уловка.

Соня осталась посреди зала, все еще не веря, что он на самом деле уходит и последние звуки песни уже не могут его настичь, потому что стеклянные двери распахнулись и со вздохом сошлись. А потом распахнулись снова, пропустив рванувшегося следом телохранителя.

Глава 9

Он явился, как герой мистической драмы, – с последним ударом часов. Правда, возвестили они о наступлении полудня, а не полночи. Заслышав звонок, Соня осторожно положила в раковину тонкий нож, которым чистила картошку к обеду, но не пошла к двери, а затаилась, вся обратившись в слух (как принято говорить в романах). Но кухня и прихожая находились в разных концах большой квартиры, а посторонних звуков оказалось так много: детские крики за окном, отчаянные удары толстой мухи о стекло, ворчание закипающей в кастрюле воды, – что Соне никак не удавалось разобрать голосов у двери.

Кровь вдруг зашумела в ушах, мешая как следует прислушаться, и это говорило о том, что пришел он – ее главный, ее единственный пациент. Его приближение действовало на Соню, как магнит на металлические опилки – все внутри ее закручивалось немыслимыми завихрениями и замирало в готовности к новому повороту.

– Соня! – окликнула мать звонким, незнакомым голосом. – К тебе пришли.

«Могла бы и сказать кто», – недовольно проворчала Соня. Она неспешно вымыла руки и провела влажными пальцами по бровям. Потом сняла фартук, повертела его в руках, нашла взглядом крючок и вдруг задохнулась: я могла бы видеть

его уже целых две минуты!

Едва удержавшись, чтобы не побежать, она неслышно вышла из кухни и спряталась за выступом стены.

– Я такой остолоп, – приглушенно каялся Денис. – Из моей дурацкой головы совершенно вылетело, что в этом доме не одна, а две очаровательные женщины.

Тамара Андреевна растроганно уверяла:

– Да что вы, Денис! По нынешним временам и один букет – это целое состояние.

«Он и с ней кокетничает! – разозлилась Соня. – Так и вижу, как он щурит свои невинные глазки и поигрывает улыбочкой...»

– Не беспокойся, мама, – бросила она, выходя из своего укрытия. – У него есть это состояние.

Он опять заставил ее забыть о своем долге. Соня спохватилась и почувствовала себя глупой, несдержанной девчонкой, ошавшей от этого одновременно улыбочивого и печального мальчика в узких голубых джинсах и просторной дорогой рубаше. Денис небрежно закатал рукава, обнажив загорелую кожу, и стал похож на удалого ковбоя, бездомного, но неунывающего.

– Рад видеть тебя в хорошем расположении духа! – насмешливо поприветствовал он. – Это тебе...

Он протянул букет юных, нераспустившихся тюльпанов. Соня осторожно приняла в ладонь прохладные широкие листья и, не удержавшись, спросила:

– А почему не розы? Ты же всем даришь розы?

– Откуда ты знаешь? – Его голос дрогнул настороженно-стыю.

– Разве ты мне не говорил?

– Нет. Зачем бы я это сказал?

– Ты же сам признавался, что вечно все забываешь.

На этот раз ее слова прозвучали убедительно. Потупившись, он исподлобья глянул на Сонину мать и пробормотал:

– Ты выставляешь меня в невыгодном свете.

– Да что вы, Денис! – поспешила успокоить его Тамара Андреевна. – Я и сама часто что-нибудь забываю. Так же скажу, а потом не могу вспомнить... Да что же мы тут стоим? Проходите в гостиную.

– С удовольствием, – беззастенчиво откликнулся Денис и, с любопытством осматриваясь, прошел в комнату. Он двигался мягко, как благодушно настроенный молодой тигр, который все же ни на минуту не забывает о подстерегающей со всех сторон опасности.

Соня попыталась смотреть его глазами: старые книжные шкафы, потускневшая коричневая софа, отставшие в углах обои... Ей захотелось увидеть его дом. «Коттедж», – презрительно поправилась она. Просто взглянуть, как живет семья банкира. Соне казалось, что это многое скажет о ее пациенте, хотя она с трудом представляла, что говорит эта квартира о ней самой.

Присев на краешек софы и напряженно выпрямив спи-

ну, Тамара Андреевна указала им на кресла, и они послушно расселись, как школьники, не глядя друг на друга.

– Валерий Ильич сейчас выйдет. Он работает, – пояснила мать, хотя никто и не спрашивал. – Ваш папа, Денис, работает дома?

Этот простой вопрос неожиданно озадачил его. Когда Денис терялся, его лицо становилось совсем мальчишеским: беспокойные губы приоткрывались, брови испуганно взлетали вверх, а взгляд приобретал умоляющее выражение. Забыв, что еще сердится на него, Соня рванулась на выручку.

– Мама, его отец занимается совсем другим делом!

– А чем занимается сам Денис? – раздался сзади высокий голос отчима. – Это, я надеюсь, нам позволено будет узнать?

В предчувствии неловкой ситуации Сонины мысли замесались в поисках выхода. Но не успела она и рта раскрыть, как Денис с убийственным безразличием ответил:

– Ничем не занимаюсь. Вы слышали, что есть такая категория людей, как «мальчики-мажоры»? Так вот, я – «мажор».

– Неправда! – вспыхнула Соня. – А твой магазин? Все эти запчасти для автомобилей?

Он с отвращением поморщился:

– Да какие там запчасти... Я и колесо-то сам сменить не сумею, этим занимается мой... – на секунду Денис замаялся, но все же вынудил себя произнести: – ...телохранитель. Правда, я хорошо вожу машину, но и только.

«Все, – обреченно решила Соня. – Отчим его уже презирает».

Но Валерий Ильич неожиданно одобрительно усмехнулся:

– А вы не обольщаетесь на свой счет. Это редкое качество. Хорошее.

Однако Денису не терпелось довести развенчание самого себя до логического конца. Безнадежно махнув рукой, на которых не было даже часов, он сказал:

– Да ничего хорошего. Жизнь уходит впустую. Думаете, я этого не понимаю? Я ведь не ребенок.

«Как часто ты это повторяешь! – с жалостью отметила Соня. – Как же тебе хочется и себя, и всех вокруг убедить в этом...»

– Ваш отец занимается бизнесом? – Отчим наконец прошел и устроился на софе, закинув ногу на ногу и покачивая старым шлепанцем.

– Ну... Да. В общем, да. Бизнесом.

– Почему же он не возьмет вас в дело?

– Ему нужны профессионалы.

– А что ему мешает сделать вас профессионалом?

Денис жалко улыбнулся:

– Я мешаю. Мы разошлись с отцом во взглядах на мою будущую профессию. По-моему, их обоих больше всего бы устроило, если б я снова пошел в детский сад. И желательно – круглосуточный.

Тамара Андреевна с упреком покачала головой:

– Зачем вы так говорите? Я не верю, что ваша мама не хочет видеть вас взрослым самостоятельным мужчиной.

– Мама Дениса умерла, – поспешила объяснить Соня. – Он живет с мачехой. А она...

– Взрослым мужчиной, – презрительно повторил Денис. – Не знаю. Я... Я могу лишь предполагать, чего она хочет. Кстати, – он вдруг оживился, – она ведь пригласила Соню к нам на обед. Вот я и пришел.

– А по какому случаю? – удивилась Тамара Андреевна.

Он ответил с не меньшим удивлением:

– Сегодня же воскресенье! У нас всегда по воскресеньям званые обеды. Но ты не пугайся, – обратился он к Соне, – гостей будет немного. Надень, пожалуйста, то платье, в котором была вчера.

– Ой, нет! – запротестовала Тамара Андреевна. – Она в нем как голая.

– Это мне и нравится. – Он так заливисто расхохотался, что даже отчим не выдержал.

– Но еще рано для обеда. – Соня слегка запаниковала. – Мы же пойдем попозже?

– Нет, мы пойдем сейчас. Я просто хочу пройтись с тобой по городу. У вас удивительно красивая дочь, – доверительно сообщил он. – Как это я раньше ее не видел?

– Вокруг тебя было слишком много других. Трудно разглядеть сквозь толпу.

– Ты хочешь меня уесть?

– Ладно, пойду-ка я работать, – прокряхтел Валерий Ильич, поднимаясь. Он протянул Денису руку. – Ну, желаю успеха!

Денис с готовностью подскочил, и отчиму пришлось задрать голову. «Классическая пара, – скептически подумала Соня, разглядывая их. – Гениальный уродец и неотразимый болван... Не сходится. Будь он болваном, все было бы куда проще».

Не выпуская его руки, Валерий Ильич с симпатией произнес:

– А знаете, молодой человек, вы мне понравились. Я ревниво отношусь к Сониным поклонникам, но вы умеете произвести впечатление, даже не сказав ничего умного и не сделав ничего значительного. Это привилегия красивых людей. Уж я-то знаю толк в красоте...

Пока Соня переодевалась, из кухни, куда мать увела Дениса, доносились оживленные голоса. Прильнув к замочной скважине, она с изумлением обнаружила, что Денис режет огромную луковицу, украдкой вытирая глаза, и без умолку что-то рассказывает. Соне мучительно хотелось подслушать, но проделать это так, чтобы он не заметил, было невозможно, потому что ее комната находилась как раз напротив кухни. Когда она вышла, Денис сразу повернулся и посмотрел на нее без обычной улыбки, испытующе и настороженно.

– К тебе страшно подойти, – только и сказал он и опять

принялся за лук.

– Ты решил поселиться у нас на кухне? – усмехнулась она, останавливаясь в дверях.

– А можно? Я бы не прочь.

– После отдельной комнаты в коттедже? Не смей меня.

Кстати, где твой Андрей?

– Ждет в подъезде. Хочешь, чтобы он зашел?

– Разве мы никуда не идем?

– Ты видишь? – Он указал узким подбородком на доску и шмыгнул носом. – У меня наконец появилось дело. Не могу же я его бросить!

– Вполне можешь. Мама, освободи моего мальчика!

– Я не мальчик!

– Денис сам вызвался мне помочь, – начала оправдываться мать.

– Я делал это с удовольствием.

– Мама, этот человек всегда делает лишь то, что ему хочется. Значит, сейчас ему страстно хотелось резать лук!

А ей хотелось, чтобы он улыбнулся. Денис дорезал лук и положил нож, лезвие которого так и сочилось, распространяя едкий запах. Соня позвала его в ванную и сама зашла следом, но и тут он даже не сделал попытки обнять ее.

На лестничной площадке она удержала его и с тревогой спросила:

– Тебя что-то расстроило?

– Зачем он это сказал? – с досадой бросил Денис. – Твой

отчим. Он, конечно, хотел сделать мне приятное, но я ненавижу, когда говорят о моей внешности.

– Почему? Что в этом плохого?

– Это просто ужасно... Андрей мне всегда говорит: «Ты – красавчик. От тебя все сходят с ума». Но я-то не хочу, чтобы из-за меня сходили с ума, потому что знаю, как это происходит. Мне это не нужно! Я боюсь этого! С тобой ведь ничего не случится из-за меня, правда?

Она порывисто обхватила его за пояс и положила голову на беспокойную грудь. Это оказалось так хорошо, что хотелось стоять так целую вечность, и пусть бы все катилось в тартарары! Но Соня открыла глаза и произнесла:

– Глупый... Это же просто образное выражение. На самом деле никто не сходит с ума от любви. Каждый подобный случай легко объяснить с физиологической точки зрения.

– Когда ты теряешь человека, который стал твоей жизнью, какой физиологией это можно объяснить?

– Хочешь, чтобы я прочитала лекцию?

Он помолчал, потом осторожно отстранил ее и сказал:

– Знаешь, иногда мне кажется, что организм многих женщин не предусматривает такого пустяка, как сердце. Среди вас гораздо чаще встречаются жестокие люди, чем среди мужчин.

– Впервые слышу такое.

– Пойдем к Андрею. – Он взглянул через перила вниз. – Он слышит наши голоса. Спроси у него. Он кое-что узнал о

женщинах.

– Уверена, что не больше тебя!

– Меня? – искренне удивился Денис. – Но я ведь не был женат.

Андрей встретил ее недружелюбным взглядом и поздоровался сквозь зубы. Он сидел на низком подоконнике, расставив колени, а вокруг его рыжеватых волос роились высвеченные солнцем пылинки. Позади, нервно перебирая тонкими изломанными лапками, бежал по стеклу паук, и Соне вспомнилось, что это – к известию. Денис по-свойски подал телохранителю руку, тот крепко ухватил ее обеими ладонями и тяжело поднялся.

– О, слон! – вырвалось у Дениса. – Ты меня чуть не свалил!

– Прости, малыш, – насмешливо отозвался Андрей. – Я бы не дал тебе упасть, не бойся.

Когда они вышли на улицу, Соня спросила:

– А почему твоя мачеха пригласила меня? Откуда она вообще обо мне узнала?

– Как откуда? Я рассказал. Собственно, это была моя идея, чтобы ты пообедала с нами. Мне хотелось познакомить тебя с родителями.

– Зачем? Ты всегда так делаешь?

– Как? – Он приподнял брови и снова превратился в мальчишку.

– Знакомишь всех своих девушек с родителями?

– Нет, конечно! Они бы меня убили!

– Откуда же такая бредовая идея?

– Почему бредовая? – обиделся он. – Разве не положено представлять будущую жену ближайшим родственникам?

Соня даже остановилась. Денис обернулся и невинно захлопал темными ресницами.

– Ты издеваешься надо мной? – рассердилась она.

– Издеваюсь? Да ты что? Я вообще не люблю издеваться. Разве что над Андреем.

Тот буркнул сзади:

– Да уж... Тут ты даешь себе волю.

– Ты с таким серьезным видом говоришь самые нелепые вещи!

– Что же такого я сказал?

– Она имеет в виду слова про будущую жену, – подал голос Андрей.

– И что же в этом нелепого?

– То, что мы знакомы всего пару дней...

– Да хоть один час! Разве это не происходит всегда именно так? Увидел и понял.

Соня с сожалением покачала головой:

– Нет. Люди должны узнать друг о друге множество плохих и хороших вещей, а потом все тщательно взвесить.

– Улавливаешь? – Он на ходу обернулся к Андрею. – Абсолютно медицинский подход. Все измерить, взвесить...

– А как еще?

– А вот так!

Он легко подхватил ее на руки и закружился посреди двора.

– Я хочу, чтоб ты стала моей, – остановившись, сказал Денис и горячодохнул ей в шею. – А ты ведь знаешь, я всегда делаю, что хочу.

Но тут его лицо вытянулось. Опустив Соню, он медленно, будто на ощупь, двинулся к мусорным бакам. Там, среди вывалившихся помоев и обломков гнилых досок, лежало огромное окоченевшее тело дога. Соня увидела его утром из окна кухни, и они с матерью отвели душу, отдав должное хозяину собаки. Еще пару дней назад этот пес, удерживаемый поводком, горделиво проходил от крайнего подъезда в сторону собачьей площадки. Он был устрашающего размера и красивого «голубого» окраса. Теперь его шерсть выглядела тусклой и серой, как грязный холщовый мешок.

Несколько секунд Денис молча разглядывал мертвую собаку, потом отрывисто бросил через плечо:

– Принеси лопату.

Соня не сразу и поняла, что этот неожиданный приказ отдан ей. Но Андрей не шелохнулся, и тогда она настороженно спросила:

– Зачем?

– Его надо похоронить.

– Но ведь это не твоя собака и даже не бездомная, почему ты должен его хоронить?!

Он обернулся и, раздельно выговаривая слова, как для плохо слышащей, пояснил:

– Потому что он умер. Разве ты не знаешь, что мертвых надо хоронить?

– Ты хочешь похоронить его прямо здесь?

– А ты предлагаешь перенести тело на центральную площадь?

– Но здесь играют дети.

– И что?

– Они будут пугаться могилы.

Денис жестко сказал:

– Пугаться надо вот этого, – и указал на брошенное тело.

– Хорошо, я принесу, – вздохнула Соня.

«Он будет копать сам или заставит телохранителя? – размышляла Соня, поднимаясь к себе. – Вряд ли сам... На глазах у всех... В приюте его хотя бы никто не видит».

Пришлось объяснять все матери так же обстоятельно, как Денис только что втолковывал ей самой. Силясь понять, Тамара Андреевна морщила высокий лоб и по привычке терла висок.

– А зачем ему это надо? – растерянno спросила она, но все же достала из стенного шкафа лопату.

– Перестань! – оборвал отчим, появляясь в дверях кабинета. – Я все слышал. У этого парня есть сердце, вот зачем ему это надо. Целый громадный дом весь день смотрел, как несчастная собака валяется среди мусора, и только сыну «но-

вого русского» пришло в голову похоронить ее. Не дико ли?!

– Он не похож на типичного «мажора», – виновато сказала мать.

Соня отобрала у нее лопату и уже в дверях ответила:

– Он ни на кого не похож.

Глава 10

Коттедж Зиминых укрылся от любопытных глаз в сосновом бору. Когда они вышли из машины, Соня окунулась в теплую тишину и неловко застыла, боясь потревожить наполненный рассеянным солнцем покой. Здесь все было другим – цвет неба, звуки, запахи. Чуть-чуть ненастоящим, будто ей снился приятный сон. Просто она забыла, каким бывает настоящий воздух.

Как щенок, впервые вывезенный в лес, Соня втягивала его и оглядывалась в поисках новых чудес. Но ни похожий на рекламу ряд диковинных машин за домом, ни сам дом не произвели на нее особого впечатления, потому что Соня заранее настроилась на нечто более грандиозное. Среди себе подобных коттедж Зиминых выглядел бы простовато. Соню больше заинтересовала крыша – двускатная, но с узкой площадкой вдоль периметра. По краю не было никакого бортика, и ее ужаснуло, что однажды Денис может упасть. Если кто-нибудь его напугает...

Прикрывшись рукой, она смотрела против солнца, на которое кто-то огромный, неведомый натягивал темное покрывало. Когда на его фоне скользнула знакомая фигура, у Сони зашло сердце. Человек, путешествующий по запутанным тропкам снов, я хочу узнать тебя...

Она встрепенулась: не сказала ли этого вслух? Но Денис

лишь небрежно спросил:

– Ну как? Ничего домишко?

Она отозвалась ему в тон:

– Рамы хорошие. И двери тоже.

Денис засмеялся, пустив от краешков глаз тонкие стрелки, и повел ее к дому.

– Ты только не комплексуй, – посоветовал он. – Ты в десять раз умнее моего отца и в тысячу красивей мачехи. Это они должны испытывать неловкость. Жаль, что они этого не умеют.

Соня боязливо призналась:

– Я все-таки волнуюсь. Сама не понимаю почему. Надеюсь, им ты не сказал эту глупость насчет будущей жены?

– А как же! Сказал. Ты считаешь это глупостью? Так я же дурак. У меня что на уме, то и на языке.

– О господи, – вздохнула Соня. – Представляешь, в какое положение ты меня поставил? Андрея хоть за столом не будет?

– Как это не будет? Он же мой друг, а не холоп. И потом, вдруг ты захочешь убить меня вилкой?

– Мне уже этого хочется...

Денис открыл массивную дверь своим ключом и пропустил Соню. Но она тут же отскочила назад, испугавшись своего отражения в огромном зеркале, висевшем напротив входа. Широкие ладони Дениса уперлись ей в спину.

– Извини, я забыл предупредить. Это мачехины причу-

ды... Она, видишь ли, доморощенный психолог. Считает, что это прием самозащиты против тех, кто приходит с недобрыми намерениями. Вроде энергетического экрана.

– Ты знаком с биоэнергетикой?

– Слегка... Читал кое-что. Меня это не заинтересовало.

Взяв за руку, Денис провел ее через некое подобие зимнего сада с увитыми плющом стенами и пальмами вдоль окон. Соня попыталась вспомнить на ходу названия знакомых растений, ведь некоторые из них росли в ее собственном кабинете, но ей ничего не пришло на ум, что и следовало ожидать, ведь она никогда не засоряла голову лишней информацией.

Заглянув сбоку в стеклянную дверь, Денис сделал большие глаза и шепнул:

– Они здесь. Ну, не трусь.

Не выпуская ее руки, он толкнул дверь. Множество любопытных глаз уставилось на нее. У Сони инстинктивно подобрались мышцы. Все звуки, кроме тихой музыки, угасли, и голос Дениса прозвучал неожиданно звонко:

– Всем привет! Я счастлив представить мою будущую жену. Ее зовут Соня.

Высокий человек с красивой седой прядью в густых волосах шагнул к ним, и Соня почувствовала, как ласкающие ее пальцы сжались.

– Павел Васильевич, он пошутил! – выкрикнул Андрей. – Они только что познакомились. Это он придушивается.

– Я понял, – сдержанно ответил Зимин.

Денис заупрямился:

– Я не придуриваюсь. Я говорю то, что чувствую.

Приобняв сына, Зимин незаметно оттеснил Соню и еле слышно произнес:

– Это и есть, сынок, самая большая дурость.

Денис ответил так же тихо:

– Годами врать друг другу гораздо умней.

Отцовская рука медленно сползла и задержалась у пояса. Шутливо хлопнув сына по задку, он сказал:

– Ничего, малыш, веселись. Пока я жив, тебе не о чем беспокоиться.

– А если мне хочется?

Соне теперь был виден лишь его слегка вздернутый профиль. На старшего Зимина она старалась не смотреть. Достаточно было одного взгляда, чтобы убедиться – они совсем не похожи. В лице Дениса покоряла лукавая утонченность, хотя в скулах оно было широко и суживалось только к подбородку. Но каждая его черта – узкие серые глаза под темными прямыми бровями, острый ровный нос, четко очерченные губы, всегда готовые к улыбке, – была преисполнена устремленной ввысь легкости. Отец же был тяжел даже внешне. Крупный нос угрожающе нависал над выпяченными губами, а взгляд небольших, как у Дениса, глаз давил, хотя они и были очень светлыми. Одно в нем было безупречно – пышные, тщательно уложенные кудри. В сравнении с ними волосы Дениса казались жидковатыми, и он не особенно за-

ботился о них, небрежно отбрасывая со лба пятерней или, если уж очень мешали, собирая в хвостик сомнительной густоты. Сейчас они попросту топорщились в разные стороны.

Прервав общий разговор, возобновившийся после появления Дениса, вошла Зими́на. Увидев Соню, она внезапно остановилась, но ни один мускул в ней не дрогнул. В ее походке, когда она прошла к столу, Соне увиделось нечто вызывающее и боевое, будто каждым шагом Нина Викторовна давала понять, что готова к любым действиям, придуманным психиатром.

Соня успела оглядеть и комнату. Ее огромная площадь была разбита модными в богатых домах декоративными колоннами на непосредственно гостиную и столовую, где им и предстояло обедать. Напротив находился большой камин, который, словно король среди челяди, сразу привлекал внимание. Соня пожалела, что сейчас не зима и в нем не разведен огонь. Ей хотелось бы увидеть лицо Дениса в отсветах пламени.

– Ты уже несколько дней не показывался в магазине, – с легким укором заметил Павел Васильевич. – Сынок, так нельзя вести дела.

Со смешком, больше похожим на фырканье, Денис вскинул голову. Смотреть на отца ему приходилось снизу вверх.

– А я их и не веду, – беспечно отозвался он. – Ты же знаешь, там все держится на твоём брате... Только не делай вид, что ты впервые об этом слышишь!

– Рано или поздно тебе придется браться за ум. Лениность еще никого до добра не доводила.

– Ну да! – возразил Денис. – А Емелю? И потом, разве ты только что не призывал меня гулять, пока ты жив?

– Мне бы хотелось гордиться тобой еще при жизни.

Денис скривился и схватился за голову. С отвращением в голосе он взмолился:

– Ох, оставь эти американские штучки! «Гордиться!» У них это просто с языка не сходит... Не хочу, чтобы мной гордились, понятно? Я хочу, чтобы меня просто оставили в покое.

– И дали денег на карманные расходы, – невозмутимо добавил отец и тяжело хлопнул сына по плечу. – Ладно, пойді помоги Нине. Там, наверное, еще что-нибудь надо принести.

Когда Денис, со стоном закатив глаза, отошел, Зимин обернулся к Соне. Она ожидала услышать вопрос, однако он лишь смотрел на нее, не моргая, и словно чего-то ждал. Подспудно в Соне зрела убежденность, что людям, обладающим какой-либо властью, как злобным собакам, нельзя смотреть в глаза слишком пристально. Она нигде не читала такого, но почему-то была в этом уверена.

– Поразительно, – выдохнул Зимин и наконец отвел глаза.

– Что именно? – спросила она, хотя уже сообразила, о чем он.

– Вы удивительно напоминаете одного человека.

Соня спокойно кивнула:

– Вашу первую жену. Я знаю это. Ваша нынешняя супруга именно на это и сделала ставку.

– Ах, вот как? Я не знал.

– Вы сейчас сказали, как Денис. У него бывает точно такое же выражение, когда он говорит: я не знал.

– И что это должно значить?

– Лучше всех вашего сына должны понимать именно вы.

– Но вы-то – специалист! Я привык доверять профессионалам.

– Каждый родитель в общении со своим ребенком может оказаться лучшим профессионалом. Если, конечно, хочет этого.

– Ребенок или родитель?

– Лучше бы – оба.

– И все же, как вы его находите?

– Вы создали чудо природы. Я никогда не встречала ничего подобного.

Зимин с недоумением откинулся на спинку стула, потом хмуро сказал:

– Мне не до шуток. У мальчишки что-нибудь серьезное?

– А вы действительно боитесь этого?

– Что это значит?

– Некоторым людям лишь кажется, что их пугает болезнь или смерть близких, потому что так должно быть. На самом же деле им глубоко безразлично.

Мясистые губы недоверчиво поджались. Несколько мгно-

вений Зимин разглядывал ее с выражением коллекционера, обнаружившего среди своих экспонатов подделку, потом убежденно произнес:

– Вы слишком молоды. Думаю, моя жена поторопилась с выбором.

– Дело ваше. Мне тоже ни к чему лишние хлопоты.

– Мой сын доставляет много хлопот?

– А вам?

Проигнорировав вопрос, Зимин задумчиво сказал, глядя поверх ее головы:

– Видели бы вы его в детстве. Это был чистый ангел. И внешне, и внутренне.

– На мой взгляд, он не слишком испортился с тех пор...

– О нет... Вы же не видели его раньше! Красивее ребенка я не встречал. Он покорял всех – и мужчин, и женщин. Сейчас Дэнъка утратил львиную долю своего обаяния.

– Вы рассуждаете как здоровый гетеросексуал. Ваш сын превратился в мужчину и перестал вас очаровывать.

– А вас?

Неожиданно для себя Соня смешалась, и взгляд ее непроизвольно метнулся к бесстрастному лицу Андрея. Развившийся с годами инстинкт телохранителя подал сигнал тревоги, и через секунду он оказался рядом.

– Ваш аперитив. – Он протянул Соне узкий стакан. – Павел Васильевич, прошу прощения, но, по-моему, Овсянников заскучал.

Крупная голова хозяина дома настороженно дернулась, и, одобритительно хлопнув Андрея по плечу, он поспешил к маленькому человечку, одиноко стоявшему возле огромного, не разделенного рамами окна. За ним мерно покачивались пушистые сосновые лапы.

– Милый у тебя хозяин, – не скрывая неприязни, отозвалась Соня. – Спасибо, что сразу подошел.

– Попробуй коктейль, очень вкусно.

– Ты свой уже выпил?

– Я на работе.

– Откуда же ты знаешь, что вкусно?

– Потому что здесь все вкусно.

– А кто все эти люди?

– Местная финансовая элита. Зачем тебе их знать? Не забивай голову. Это такие жлобы...

– Ты говоришь, как Денис...

Он согласился:

– Да, это Дэнкино выражение. Он их всех терпеть не может. Послушай, о чем они говорят: ставки, вклады, проценты, операции, махинации... Ты можешь вообразить, чтобы Дэнку интересовали такие вещи? Это такая скучища.

– Ты во всем его поддерживаешь?

– Не во всем. Меня, например, бесит, как он каждый раз очертя голову бросается в очередной роман, хотя сразу ясно, что это опять не та женщина. Но что с ним поделаешь? Дэнка есть Дэнка. – Он улыбнулся, поглядев, как Денис, по-

луприсев и уперевшись ладонями в колени, рассматривает этикетки на бутылках.

«Он забыл обо мне, – обескураженно подумала Соня. – Притащил сюда и забыл!»

Андрей подтолкнул ее к другому окну:

– Смотри, вон мой флигель.

Сиротливо стоящий между сосен маленький домик имел нежилой вид: ни занавесей, ни цветов на окнах. Ей представилось, как этот парень возвращается туда в полной темноте, но не ложится, потому что его работа не прекращается и по ночам. И лишь с последним звуком полуночной песни позволяет себе закрыть глаза...

– Даже детей не стерегут так, как ты его.

– Она говорила то же самое.

– Кто?

– Моя жена. Она считала, что Дёнька меня околдовал.

– Так и было?

– Разве ты не знаешь, как это бывает? Однажды тебе встречается главный человек в твоей жизни, и ты точно знаешь, что это он. Но, допустим, он оказывается не того пола или не того возраста. Но ведь тебе нужен не его пол и не его возраст. Наши души стары, как мир, и бесполы.

Соня слушала его с удивлением и некоторым страхом. Открывая в людях непредсказуемость, она каждый раз терялась, потому что это, как дважды два, доказывало, как ничтожно мало ей известно о человеческих душах, лечить ко-

которые она взялась. Еще несколько минут назад она не находила в холодноватых глазах Андрея никаких отблесков бушевавшей в нем борьбы с самим собой. В его словах Соня усмотрела попытку убедить себя в очередной раз, потому что годы шли, а ему все никак не удавалось это сделать.

Задумавшись, он качнулся вперед и хотел было упереться лбом в стекло, но отшатнулся и даже отошел подальше. Соня постучала по стеклу согнутым пальцем.

– Оно же прочное, чего ты испугался?

– Еще бы не прочное. Пуленепробиваемое.

– Серьезно? – Она снова попробовала его пальцем.

– Куда уж серьезнее.

– А в комнате Дениса?

– И у него. Во всем доме.

– А как он выбирается на крышу?

– Как любой нормальный человек – через чердак. Дверь легко отпирается изнутри. Зиминцы боятся сменить замок на более сложный. Вдруг ему станет плохо, если он не попадет на крышу? Ты как считаешь?

– Скорее всего, он бы стал искать другой выход, но это может оказаться небезопасным.

По лицу Андрея проскользнула радостная усмешка:

– Ну надо же! Я сказал им то же самое.

Почувствовав себя уязвленной, Соня натянуто произнесла:

– Ты прирожденный психолог.

– Просто я думаю обо всем, что касается его безопасности.

– Ты можешь показать мне его комнату?

– А, – догадался Андрей, – это как в кино! Ты будешь шарить в его вещах и наткнешься на какую-нибудь мелочь, которая сразу тебе все объяснит. Нет, я не покажу тебе его комнату.

– Может, ты вообще не хочешь, чтобы его вылечили?

– Не знаю. Мне нравится, как он поет. Я жду этого каждый вечер. И я не уверен, что он...

– Андрей! – окликнул Зимин. – Принеси телефонную трубку.

– Сукин сын! – прошипел Андрей. – Он так и стремится поставить меня на место.

Оставшись одна, Соня сразу нашла взглядом Дениса, но тот не замечал ее. Он увлеченно рассказывал что-то гибкой светловолосой девушке и был весь устремлен к ней, от играющих улыбкой глаз до беспокойных рук, которые то и дело отрывисто и ласково касались то ее плеча, то согнутого локтя, то свободно спадающих волос. Казалось, он лепит прекрасную статую быстрыми и точными движениями, и ничто не должно помешать им сейчас, чтобы не погасло в глазах Дениса жадное изумление.

– Еще одна попалась...

Зими́на подошла неслышно, и Соня не знала, давно ли та следит за ней. Ее и раньше всегда раздражало, когда кто-ни-

будь подкрадывался сзади, она считала это дурным тоном. Но сейчас она не могла этого сказать. Зимина сузила пронзительные, как у Хозяйки Медной горы, зеленоватые глаза, и лицо ее сразу помолодело.

– Переспать с таким мужиком и умереть, – добавила она словно про себя, однако Соня сразу внутренне собралась, подзревая, что наступило время проверки.

Оторвав взгляд от пасынка, Нина Викторовна насмешливо поинтересовалась:

– Вы уже влюбились в него? Да не смущайтесь, я знала, что нет женщины, способной против него устоять. Он мог бы сделать на этом состояние, если б не был таким простофилей. Видите, как он ведет себя с этой девушкой? И ведь все это совершенно безотчетно. Инстинкт. Через пять минут Денис о ней и не вспомнит, а со стороны все выглядит так, будто он изнывает от желания. И так со всеми.

– И с вами?

Длинные ресницы дрогнули, но Нина Викторовна ответила по-прежнему бесстрастно:

– Не стоит притягивать за уши старика Фрейда, он тут ни при чем. Я – единственный человек, которого Денис ненавидит. Я знаю это, хотя он ни разу себя не выдал. Но он меня никогда не простит. Ах, если бы вы только знали...

Не договорив, она звонко хлопнула в ладоши и объявила:

– Прошу к столу! Рассаживайтесь, как вам удобно. Соня, забирайте нашего мальчика, а то он чересчур увлекся. Павел,

приглашай Валентину Андреевну...

Андрей незаметно сжал ее руку повыше локтя и шепнул:

– Не обращай внимания, эта блондиночка ничего для него не значит. Она – дочь Овсянникова. Павел Васильевич попросил его с ней полюбозничать.

– У него отлично получается!

– Позволь ему ублажить отца. Они и так с трудом ладят. Хочешь сесть со мной?

Денис вспомнил о ней только за столом, но не подошел, а лишь махнул рукой. Они оказались на разных углах, и Соня спросила, не должен ли телохранитель находиться поближе?

Андрей промычал с набитым ртом:

– Ничего, тут все свои. Проверенная компания. Вкусный салат! Положить тебе?

– Чуть-чуть. А дочь Овсянникова? Она часто здесь бывает?

– Ты проявляешь далеко не профессиональный интерес, – хмыкнул Андрей. – Смотри не привяжись к нему слишком сильно, а то влипнешь, как я в свое время.

– Чем он тебя держит?

– Разве это можно объяснить? Даже Соломон не мог понять, как один человек прокладывает путь к сердцу другого.

Взвесив эту мысль, Соня призналась:

– Мне это странно слышать. Я никогда так не привязывалась к своим подругам. Может, тебя тоже стоит полечить?

– Зачем? – Он застыл, подцепив вилкой ломтик осетрины.

– Чтобы ты, наконец, освободился от него.

– А кто тебе сказал, что я хочу освободиться от него?

– Всякая зависимость угнетает...

Смерив Соню цепким взглядом, он туманно произнес:

– Выходит, все в порядке.

Она решила дождаться, пока он сам пояснит, но Андрей занялся заливным с таким увлечением, что ей пришлось спросить:

– Что именно в порядке?

– А? С тобой. Значит, ты еще не потеряла головы, раз считаешь, что зависимость от Дэнки может угнетать.

– Я вообще не теряю головы.

В том, как Андрей посмотрел на нее, смешались уважение и жалость. Вечернее солнце било Соне в глаза и мешало разглядеть Дениса. Только подсвеченный со спины истончившийся силуэт покачивался на другом конце стола. Денис то и дело склонялся то вправо, то влево, не позволяя своим соседям ни на секунду забыть о себе.

«Ему необходимо, чтобы все им любовались, – стараясь сохранять спокойствие, думала Соня. – Он влюблен в себя до неприличия!»

Андрей безмолвно подлил ей вина, и она удивилась тому, что даже не заметила, как все выпила. Салат на ее тарелке оставался нетронутым, хотя утром Соня лишь попила кофе. Приказав себе поест, она взяла вилку, но отчего-то вдруг перехватило горло, и она опять подняла узкий хрустальный

фужер.

– Я придумал, – повернувшись к ней, тихо сказал Андрей. – Останься сегодня у них ночевать. Понаблюдаешь за ним, а утром скажешь, что разгадала его хитрость. Что он вовсе не болен и делает это не во сне, а просто изводит их. Он на это вполне способен. Тогда они от него отцепятся. Может, и в институт позволят поступить. И твои услуги им больше не понадобятся.

– Думаешь, они в это поверят?

– Как они могут не поверить? Ты же все научно обоснуешь. Чего ради они тогда тебя наняли?

У соседа справа, на которого до сих пор Соня не обращала внимания, зазвонил телефон, и, достав из внутреннего кармана трубку, он принялся вполголоса обсуждать условия продажи каких-то вагонов.

– Кошмар, – поморщилась Соня, отвернувшись.

– Павел Васильевич спит и видит, чтобы Дэнкина голова была забита тем же самым.

– Может быть, он и прав...

– Ты можешь вообразить Дэнку торгующим углем?

– С трудом. Слушай, а если он будет продолжать меня преследовать?

– Дэнка? Преследовать? – Он сдавленно хохотнул. – Да ты что? Через день он про тебя и не вспомнит. Тем более когда узнает, кто ты на самом деле.

– А он узнает?

Он повернул к ней невозмутимое лицо, и Соня без слов поняла, что на этот счет можно не волноваться.

Глава 11

После обеда Денис предложил покататься на лодках и, схватив свою соседку за руку, первым выбежал из дома. От нахлынувшего гнева у Сони помутилось в голове, но чья-то рука придержала ее сзади и бережно усадила в кресло. Присев рядом, Андрей с тревогой заглянул ей в лицо и покачал головой:

– Ты много выпила. В жару лучше этого не делать.

– Это не из-за вина!

– Я знаю. Но зачем еще усугублять?

– Что я здесь делаю? Отвези меня домой.

Он угрюмо напомнил:

– Я тут ничего не решаю. Если Денис скажет, я тебя отвезу.

– Так пойди и спроси у него!

Чуть помедлив, Андрей поднялся:

– Хорошо. Я спрошу. Но если ты сейчас уедешь, твоя работа останется невыполненной. Так нельзя.

– Плевать я хотела на такую работу! – Она стиснула кулаки. – Беги, спрашивай разрешения у своего хозяина!

К его бледным щекам прилила кровь, и Соне показалось, что из носа сейчас вытечет густая темная струйка. Но ничего подобного не произошло. Сжав губы, Андрей быстро вышел из дома. Шаги у него были особенно широкими и тяжелыми.

Приходя в себя, Соня оглядывала гостиную. В ее устройстве сказывалась неопределенность вкусов недавно разбогатевших людей. Развешанные по стенам картины были выдержаны в одной цветовой гамме, что, судя по всему, явилось основным принципом их подбора. Все остальное было светлых тонов, даже кожаные диван и кресла. Соня такие терпеть не могла. На камине были расставлены фотографии в блестящих рамочках. Солнце поблескивало в них золотыми искрами, не давая разглядеть лица, среди которых должно было быть и лицо Дениса. Если остаться на ночь, можно тайком вернуться сюда и спрятать один из снимков под одеждой...

Что-то грохнуло сзади, и, еще не видя, Соня почувствовала его приближение – так пахнуло на затылок теплом. Денис перегнулся через кресло, и лицо его, на котором застыло виноватое выражение, оказалось перевернутым.

– Я тебе говорил, что я – дурак? – Он выбрался из-за кресла и присел перед ней, как до этого Андрей.

– Говорил.

– А, тогда хорошо. На дураков ведь не обижаются, правда?

– Разве я выгляжу обиженной?

– Ты выглядишь очень красивой.

– Это ты тоже уже говорил.

– Да ты что? Я столько всего успел наговорить?

– Ты вообще разговорчивый малый...

– Я – хороший малый, – хитро сказал он. – Не веришь?

– Верю. Ты действительно хороший.

– Тогда почему ты не хочешь стать моей женой?

– Перестань говорить об этом так, словно мы решаем, где поесть мороженого!

– Пойдем кататься на лодке? Андрюха будет грести, а мы с тобой целоваться. – Он положил руку на ее колено.

Соня дернула ногой, потому что в этот момент Зимина повернулась в их сторону.

– Тебе нравится изображать из себя мальчишку?

Вся веселость разом сошла с него. Убрав руку, Денис холодно сказал:

– Должен же и я когда-нибудь побыть мальчишкой. Ты идешь?

Уцепившись за его раскрытую ладонь, Соня встала, но Денис не отступил, и они оказались лицом к лицу. Стоило приподнять голову, и она дотянулась бы до его губ... Соня шагнула в сторону и, позвав его кивком, пошла к выходу. Она знала, что Зимина следит за каждым ее движением, и старалась держаться с равнодушным достоинством.

Денис догнал ее на крыльце и насмешливо произнес:

– Ты вышагиваешь, как самодовольная кошка.

– Самодовольная? Я вовсе не довольна собой. Где же твои лодки?

– На озере. Или ты рассчитывала, что я приволоку их прямо к дому?

– Когда имеешь дело с тобой, трудно на что-нибудь рассчитывать.

Он укоризненно зацокал языком:

– Очень необязательный человек!

– Которого это ничуть не волнует, – подхватила Соня.

– Вот это верно...

Когда дом скрылся за соснами, Денис остановился и протянул ее за руку. Горячий поток вошел в Соню, поднявшись по ослабевшим ногам, и скрутил сердце.

– Дай же я хоть обниму тебя...

Сосны восторженно зашумели мощными ветвями и неслышно закружились. Их тени скользили по склонившемуся лицу, меняя его, и Соне почудилось, что это не один человек, а множество людей тянутся к ней губами. И каждому из них ей хотелось ответить.

Их ноги переступали, словно в такт какому-то танцу, но Соня и тут сплеховала – запнулась, толкнув его в грудь, и разрушила едва наметившуюся гармонию. Все разом рассыпалось, разлетелось солнечными пятнами, птичьими вскриками, торопливыми взмахами крыльев бабочек... Она ахнула от досады, но Денис уже отступил.

– Думаешь, я не умею быть взрослым? Сдерживаться, когда надо?

«Не надо!» – хотелось возразить ей, но все уже кончилось...

Сторонясь друг друга, они вышли к озеру, где в одиноко притулившейся к берегу лодке ждал Андрей. Остальные уже неслышно скользили по воде, как первые опавшие листья,

то и дело медленно поворачиваясь. Андрей поднял весла и, когда они сели, рывком отчалил. Вода плаксиво хлюпнула под ними.

– Тебе не было скучно? – обратился Денис к своему телохранителю.

– Нет.

– И не жарко?

Андрей с подозрением поглядел на него и неопределенно скривил губы.

– У тебя вообще возникают какие-нибудь чувства?

– Перестань, – попыталась остановить Соня, но Денис уже не слышал ее.

– Хорошо быть таким? Настоящим мужиком, честно выполняющим свой долг! Только зачем? Ты никогда над этим не задумывался? Зачем меня охранять? Кому я нужен? И кому станет хуже, если меня и в самом деле прибьют?

Бросив весла, Андрей рванул его за ворот рубахи. Теперь, когда их лица почти соприкасались, слова не могли проскользнуть мимо.

– Мне станет хуже, идиот! Ты меня понял? И кончай разводить нюни, пока она не перестала видеть в тебе мужчину.

– Если б она видела во мне мужчину, – пробормотал Денис, даже не делая попыток освободиться. Андрей сам отпустил его. – Подгреби к Муське, я пересяду.

– Не делай глупостей!

– А разве я умею делать что-нибудь другое?

Андрей без труда повернул лодку и в несколько рывков догнал ту, в которой сидели Овсянниковы. Блондинка выглядела рассерженной.

Она даже не взглянула, когда Денис ухватился за борт их лодки.

– К вам можно? Не хочу мешать этой парочке, – беспечно сообщил он.

Когда он перебирался, лодка накренилась, и Соня злорадно пожелала: «Хоть бы ты свалился в воду! Хорош бы ты был потом». Перекинув ногу, Денис обернулся, и ей стало стыдно – таким отчаянием сверкнули его глаза. Он ждал, зависнув между лодками, но Соня оскорбленно молчала. Больше всего ей хотелось расторгнуть договор с Зиминными и уехать отсюда, чтобы никогда снова не видеть никого из этих людей.

– Спокойно, – выдохнул Андрей, оттолкнувшись от соседней лодки. – Сейчас...

Он не договорил, что – сейчас, а Соня и не хотела знать. Ее мутило от выпитого вина, жары и обиды.

– Я – никакой психиатр, – с трудом удерживая трясущиеся губы, признала она. – Я совершенно не представляю, как вести себя с подобными людьми в неформальной обстановке. Если б он лежал в отделении, я воспринимала бы его по-другому. А так я не его вылечу, а сама с ним заболею. Я сейчас уже ничего не соображаю.

Лодки снова с тихими всплесками расползлись по озеру. Все глядели на темную воду, охваченные пробудившимся от-

куда-то из подсознания языческим восторгом.

– Пойдем, я отвезу тебя домой, – через какое-то время предложил Андрей.

– Без разрешения Дениса?

– Обойдусь.

– А как же наш план?

– Так ты его принимаешь?

– Он не предложит мне переночевать.

– Ты его чем-то очень обидела, – задумался Андрей, и лодка замерла в нерешительности.

– Я его не обижала.

– Но он никогда так не вел себя с женщинами. Наверное, я оказался прав, когда сказал, что он влюбился в тебя.

– Было бы лучше, если б не влюблялся...

– Глупая ты. Любая из этих дур с радостью поменялась бы с тобой.

– У меня ничего нет для обмена.

– Зря ты так думаешь.

Он энергично и в то же время почти бесшумно погреб к берегу. Загорелые руки мерно напрягались, и Соня опять подумала, что если б всегда поблизости не было Дениса Зимина, то его телохранитель вполне мог бы нравиться женщинам. Его лицо было по-настоящему мужским – крупным, волевым, спокойным. В нем не было ни лукавства, ни нервозности, ни детскости, словом, ничего, что способно свести с ума.

Засмотревшись, Соня не заметила, как отступила тошнота. Солнце клонилось к закату и понемногу краснело. Зацепившись о каменистое дно, лодка остановилась. Андрей выпрыгнул и протянул руку. Ладонь у него была шире, чем у Дениса, и не такая мягкая. Под средним пальцем Соня задела свежую мозоль. Андрей взглянул на руку и криво усмехнулся: «С непривычки...»

– Знаешь, что я придумал...

– Я гляжу, ты мастер на выдумки!

– Если Дэнька будет дуться до вечера, я сделаю вид, что отвез тебя, а на самом деле ты спрячешься в моем флигеле. Зиминых я, конечно, предупрежу. Должна же ты увидеть все своими глазами.

– Просто какое-то кино с авантюрным сюжетом, – неодобрительно отозвалась Соня. – Но, видимо, другого выхода действительно нет. В конце концов, я хочу хотя бы отхватить кругленькую сумму за эту нервотрепку. У меня шуба совсем вытерлась...

– Вот именно, – невозмутимо подтвердил Андрей.

Они приближались к тому месту, где Денис ее обнял, и ей внезапно стало не по себе, словно его тень все еще бродила где-то рядом...

– Денис преподавал нам сегодня хороший урок, – вздохнула Соня. – Вот уж не думала, что он возьмется сам копать могилу для той несчастной собаки!

– А меня это как раз не удивило. Дэнька часто проделыв-

вает что-нибудь в этом духе. В апреле, например, он полез на реку спасать дворнягу, которая провалилась в полынью. Как он сам туда не угодил, одному богу известно!

– Как же ты позволил ему рисковать? Ты же его телохранитель.

– Этот негодяй меня обманул! Мне казалось, он ее и не заметил. Он послал меня за мороженым, а сам буквально скатился к реке. Когда я вернулся, он уже полз по льду назад. Машину потом два дня сушили, потому что Дэнъка просто истекал водой. И даже не заболел, сукин сын!

– Он относится к животным лучше, чем к людям, – пытаюсь скрыть обиду, сказала Соня.

– А они – к нему.

У нее перед глазами замельтешили визжащие от восторга собаки, и каждой хотелось лизнуть Дениса в лицо.

– Смотри, костяника, – Андрей нагнулся и, сорвав стебелек с дрожащими красными ягодами, протянул ей.

– Вкусно.

У нее дрогнул голос, и Андрей, взяв ее за плечи, повернул к себе. В рыжеватых волосах его застряла сосновая игла, похожая на миниатюрные щипчики. Соня хотела было убрать ее, но он перехватил Сонину руку и настойчиво сжал. Широкие губы приоткрылись, выпуская горячее дыхание. Соня отшатнулась.

Разжав руку, Андрей потер вспотевшие ладони и равнодушно произнес:

– Сегодня слишком жарко. Пойдем в дом, там кондиционер.

Они молча вернулись в гостиную, где, составив кресла кругом, гости играли на низком овальном столике в преферанс. Оторвавшись от карт, Зимина спросила:

– Куда вы дели Дэнью?

Незаметно подтолкнув Соню в противоположную сторону, Андрей что-то негромко сказал.

– Прошу прощения, – сказала Нина Викторовна. – Я на минуту.

Они отошли к потускневшему окну и вполголоса заговорили о чем-то. На Соню они не смотрели. Стараясь не привлекать внимания, она подошла к камину, и совсем юный Денис расцвел ей навстречу улыбкой. Снимок был давнишним, на нем Денис был щупловат и коротко острижен. «Лицо ангела, – вспомнилось ей. – Нет. Здесь уже нет. Может быть, раньше». Ей захотелось погладить фотографию пальцем, но кто-нибудь обязательно заметил бы это. На других снимках были только Зимин и его вторая жена – поодиночке и в паре. Оба выглядели гораздо моложе и счастливее. Хотя людям вообще свойственно делать перед камерой радостное лицо.

– Это снято много лет назад, – услышала она за спиной голос Нины Викторовны. – Мы все очень изменились, правда?

Соня постаралась быть любезной:

– Вы здесь очень хороши, впрочем, как и сейчас. Похожи на знаменитую актрису.

Зими́на вздрогнула и нервно вскинула голову.

– Вы попали в точку. Или знали? Тогда я действительно была актрисой. Только вот не знаменитой. Совершенной бездарностью. И все это понимали. А самое ужасное, что и я это понимала. О, если бы вы только могли представить, сколько раз я пыталась уйти из театра, как я презирала себя, ненавидела! Но театр был для меня просто какой-то манией. Это по вашей части, верно? Я начинала буквально сходить с ума, если хотя бы день не бывала там. Я ни разу не ездила в отпуск за эти годы... Но с каждым днем я играла все хуже и хуже. Это становилось совершенно невыносимо. Если бы не Павел, я бы не справилась с этим. Мы оба принесли жертвы... Большие жертвы! Хотя, правду сказать, это были не сами жертвы, а только слова, но не пустые слова. Он все сказал жене, я сказала в театре, что ухожу. И мы оба сдержали слово...

– Его жена вам помогла, – безжалостно напомнила Соня.

Зими́на спокойно кивнула:

– Да. Но еще неизвестно, чья жертва оказалась более тяжелой. Павел похоронил жену один раз, я же с тех пор больше не хожу в театр. Я не хожу туда из года в год. Каково, а? – Она жестко усмехнулась. – Если не можешь справиться со страстью, лучше навсегда устранить ее объект. Вы согласны со мной?

Ее зеленый взгляд проник до самого Сониного сердца, и оно холодно ёкнуло. Выдержав паузу, Зими́на произнесла

другим тоном:

– Денис уже принялся за вас? Я предупреждала. Временами в нем просыпается настоящий садист. Тогда он не может успокоиться, пока вас не уничтожит. Иногда он такое вытворяет! А ведь умеет быть очень милым мальчиком... На мой взгляд, он болен, очень болен.

– Вам необходимо, чтобы я нашла у него болезнь?

– Разве ее нет?

– Андрей поделился с вами своей идеей ночного дозора? Дернув бровями, она коротко ответила:

– Да.

– Только Денис не должен узнать.

– Понятно.

– Когда разъезжаются гости?

– Через полчаса-час, – неуверенно предположила Зимина, взглянув на настенные часы.

– Во сколько Денис обычно ложится спать?

– Не поздно. Часов в одиннадцать.

– Так рано?

– Он и встает рано.

– Надо же, я думала, наоборот, – озадаченно пробормотала Соня. – А когда примерно он забирается на крышу?

– В полночь. Всегда в полночь. Мы еще не спим в это время.

– Странно... Я имею в виду, что это происходит всегда в одно и то же время. Как-то неестественно.

– Вам видней, – сухо отрезала хозяйка. – Я говорю то, что есть.

Уже включили свет, когда вернулись катавшиеся на лодках. Дениса среди них не было. Соня сплела за спиной пальцы и стиснула их, чтобы не забыться. Последними вошли Овсянников с дочерью. Оба выглядели обескураженными.

– Куда он исчез? – с тревогой спросила Соня, но ее вопрос ушел в пустоту – Андрей уже бросился на поиски.

Ей стало совсем одиноко. Все кругом делились впечатлениями и показывали друг другу вздувшиеся мозоли. Муся Овсянникова на что-то жаловалась Зиминной, а та, сделав брови «домиком», сочувственно кивала и поддакивала.

Гости стали прощаться, захлопали дверцами, и утробно заурчали машины, а Денис все не возвращался. Набравшись смелости, Соня подошла к Зиминной.

– Что мне делать?

Та без колебаний ответила, точно уже все обдумала:

– Идите во флигель. Там открыто. Я скажу, что вы уехали. Идите же, пока его нет!

И направилась к гостям, энергично выпрямив узкую спину. Соня проводила ее взглядом, опасаясь, что та оглянется, но Зимина уже была устремлена вперед, к людям, которые если и спят по ночам беспокойно, то не потому, что им хочется спать.

Воровато оглядываясь, Соня вернулась в дом и бегом поднялась на второй этаж. Белые солидные двери хранили рав-

нодушное молчание. Соня заметалась, открывая то одну, то другую: «Которая же? Которая?» Распахнув угловую, она едва не вскрикнула. На противоположной стене, прямо поверх огромного ковра, висел массивный, сколоченный из деревянных балок крест с распятой на нем скрипкой.

Справившись с испугом, Соня шагнула в комнату и настороженно огляделась. Но здесь больше не было ничего поразительного. Типичная комната богатого мальчика: дорогая аппаратура, роскошный письменный стол, компьютер с монитором, потайные шкафы, изящные стеллажи с книгами. Она не сразу осознала, что именно отыскивают ее глаза, и лишь наткнувшись на маленький снимок Аннушки, прищипленный к книжной полке, сообразила, что в комнате нет портрета его матери.

«Бедный мой, – Соня провела рукой по тщательно застеленной низкой кушетке. – Бедный, бедный...»

Так же крадучись она спустилась вниз и, никем не замеченная, добралась до флигеля, только сейчас припомнив, что никто из гостей так и не подошел ни поговорить с ней, ни проститься. Для них она была таким же наемником, как любой из телохранителей, замечать присутствие которых было признаком дурного тона.

Дверь во флигеле и впрямь оказалась незапертой. Соня плотно прикрыла ее за собой и выглянула из окна. Стекло в нем было обычное, даже чуть надтреснутое в уголке. Весь флигель состоял из кухоньки и комнаты, куда Соня

и прошла, убедившись, что Дениса по-прежнему не видно. Обстановка здесь была самая спартанская, если не считать нескольких книжных полок. Соня наугад вытянула одну из книг. Это был томик Гумилева, которого Соня никогда не читала, потому что в школьную программу этот поэт не входил, а после она уже не интересовалась стихами. Открыв титульный лист, Соня обнаружила неровную надпись: «Моему ангелу-хранителю от глупейшего создания на Земле...» Подписи не было, но она знала наверняка, что это рука Дениса. Буквы были обозначены почти условно, и надпись прочитывалась с трудом. Она вернула книгу на место и опять затосковала от собственной несостоятельности. Как ей удастся что-то понять в этом человеке, если они всегда жили в разных мирах и читали разные книги?

«Вот он понял его! – с завистью вспомнила она об Андрее. – И потому не может от него оторваться, как от бездонного источника...»

– Дэнька, – произнесла Соня вслух и, чтобы не заплакать, изо всех сил зажмурилась.

Снаружи раздались голоса, и она прильнула к окошку, как раз в тот момент, когда с ним поравнялись две рослые фигуры. Они шли, обнявшись, одинаково понурившись, и тихо разговаривали о чем-то. Соне смертельно захотелось узнать – о чем? У крыльца большого дома они остановились, Андрей закурил и встал так, что Соне оказалась видна только его спина. Ленивый дымок поднимался из-за его плеча к

крыше и сливался с сумерками. На небе уже явственно проступила ущербная луна, постепенно наливавшаяся ослепительным светом.

Соня и не заметила, как задремала, оперевшись подбородком в скрещенные на столе руки, а когда вошел Андрей, с криком подняла голову.

– Тише! – Он быстро обернулся в проем двери и укоризненно покачал головой. – Он же может услышать.

– Я не хотела. Где вы пропадали так долго?

– Воздухом дышали. Ты что, уснула? Тоже мне, разведчица! Кофе хочешь?

– Еще бы... Голова трещит. Скажи, ты прочитал все эти книги?

– Разве их много? Конечно, прочитал.

– Ты – необычный телохранитель.

– У меня необычный клиент.

Он насыпал в чашки растворимый кофе и залил его водой из термоса. Горьковатый запах отрезвил Соню до того, как она сделала первый глоток.

– Крепкий, – похвалила она.

Андрей подтащил к столику второй табурет и сел так, чтобы видеть дом. Когда он положил на скатерть руки, Соня еще раз с уважением подумала, какие они сильные и спокойные. Денис должен чувствовать себя гораздо увереннее рядом с таким человеком. Но пока с ним телохранитель, он никогда не обретет уверенность в себе самом.

– Где теперь твоя жена? – спросила она, чтобы завести разговор.

Но Андрей ответил так, что дальнейшие расспросы оказались невозможными:

– Понятия не имею.

– Хороший у Зиминных дом.

Он едва заметно улыбнулся:

– Хороший... Только Дэнька с удовольствием сбежал бы отсюда. Только куда? И на что жить? Он же ни черта не умеет!

– А ты на что?

– Я? Я тоже ничего не умею, кроме как составлять ему компанию. Мне платят, на это я и живу.

– А у самого Зимина есть охрана?

– Конечно. И у его жены тоже. Разве ты не заметила двух парней в белых рубашках?

– Ты с ними не особенно близок?

– Верно. Сначала мы вроде подружились, но когда я узнал Дэньку получше... А вот и он!

Едва не опрокинув кружку, на дне которой еще оставалось немного кофе, Соня прильнула к стеклу: на крыше дома появилась знакомая фигура. Соня подумала, что он будет пробираться на ощупь, как слепой, но опять ошиблась. В его движениях не было неуверенности, скорее было похоже, будто он задумался и шел, не очень заботясь о том, куда ступают ноги. Дойдя до самого края, он постоял, будто

любуюсь на первые звезды, потом уселся, свесив ноги и слегка откинувшись назад, уперся ладонями в черепичный скат. Напряженно вслушиваясь, Соня ждала, когда он запоет, но все же пропустила первый звук. Его голос не набирал силу, как ручей, он обрушился словно водопад – сильно, страстно, неумолимо. От обычных для Дениса низких звуков он взлетал так высоко, что у Сони захватывало дух – сейчас оборвется! Он действительно пел на английском, и она не разбирала слов, но не жалела об этом, потому что мелодия поглощала целиком, увлекала за собой, заставляя забыть обо всем остальном, наполнявшем этот мир. А когда песня внезапно оборвалась, Соня ощутила странное, незнакомое одиночество. Она очутилась в мире, где все уже не могло быть как прежде.

Глава 12

Соня уже собиралась уходить, когда в дверь требовательно постучали. Андрей открыл без колебания, будто ему был вообще неведом страх. Остывший ночной воздух ворвался во флигель, и лицо Нины Викторовны оказалось ему под стать – холодное, отталкивающее. Придерживая на груди незастегнутую кофточку, наброшенную поверх шелкового халата, она прошла к столу и села напротив Сони.

– Мне неприятно это говорить, – начала Зиминая, и голос тут же выдал, как она нервничает, – но мы вынуждены отказать от ваших услуг. Ваше появление негативно сказалось на мальчике, а мы-то рассчитывали, что вы подействуете на него благотворно.

– Я не валерианка, – резко ответила Соня. Впервые за два года работы ей указывали на ее некомпетентность. Следовало бы немедленно уйти и хлопнуть дверью, но Соня отчего-то продолжала сидеть.

– Мой муж считает, что вы слишком молоды.

– Я этого и не скрывала!

– Вы не можете разглядеть очевидных вещей.

– Лучше скажите, что я не хочу разглядеть того, что должно по вашему замыслу.

– Вот, возьмите. – Зиминая достала из кармана халата конверт и по столу пододвинула Соне.

– Конечно, возьму. – Периферийным зрением она уловила, как что-то изменилось в лице Андрея. – А как вы объясните все вашему мальчику?

Зими́на принялась яростно тереть высокий лоб: «Как? Как?»

– Лучше всего сказать ему правду, – предложил Андрей. – Он и так уже о многом догадывается. Ничего страшного в его заболевании нет. Если это вообще заболевание... У Стейнбека в одном из романов тоже есть девочка-сомнамбула, но никто не тащит ее к психиатру.

Нина Викторовна покосилась на него с неодобрением:

– Приучил он тебя читать... на свою голову.

– Я не хочу, чтобы вы делали из него больного!

– Помолчи! – строго сказала Зими́на. – Кого тут вообще интересует, чего ты хочешь? Думаешь, мало желающих занять твое место?

«Как она завелась», – позлорадствовала Соня. Она не спеша спрятала конверт в сумочку и встала.

– Спасибо за попытку помочь, – вежливо кивнула Зими́на, отходя к двери. – Было приятно познакомиться... Подождите, пока я уйду.

– Сволочная бабенка! – с чувством сказал Андрей, когда они вновь остались одни. – Как только Дэнкя ее терпит? Были бы у меня деньги, забрал бы его и увез к чертовой матери! Ему везде будет лучше, чем в этом проклятом доме...

– Ты – настоящий друг, – признала Соня. – Держись за это

место, как я держусь за свое. Без тебя он совсем пропадет. А я – все... – она похлопала по сумочке. – Ухожу со сцены.

Андрей покачал головой:

– Это будет не так просто.

– Считаешь, он не оставит меня в покое?

– Он? Нет, дело вовсе не в нем. Ты сама не сможешь найти покоя. Я видел, что творится с его бывшими подружками.

Что-то тревожно заныло в груди, что-то живое и неизвестное... Соня решительно тряхнула головой, отгоняя неизвестно откуда наплывающую печаль.

– Пойдем, – позвала она. – Отвези же меня, наконец, домой.

Однако Андрей не двинулся с места.

– Тебе понравилось, как он пел?

– Да, – призналась Соня.

– Вот эти песни... Это и есть он сам. Дэнъка, которого никто не решается узнать как следует.

– Звучит трагически. А он ведь – «мажор»!

Андрей отмахнулся:

– Глупости, какой из него «мажор»! Он в казино-то ни разу не был... Ресторан для него – самое злчное место. А ты небось тоже студенткой туда бегала... Знаешь, он однажды рассказал мне сказку о человеке, от которого улетело его счастье, потому что он чересчур зарвался. Так вот с Дэнъкой этого никогда не случится.

– Он не способен зарваться?

– Дело даже не в этом. У него никогда и не было этого самого счастья. Ни летающего, никакого... Может, только в раннем детстве. Ты хоть можешь представить себе, каково это – жить с людьми, из-за которых умерла твоя мать? И они оба каждую минуту помнят о том, что он знает. И не могут ему этого простить.

– Вот тут ты ошибаешься, – возразила Соня. – Зимина считает, что Денис ни о чем не догадывается. Утверждает, что они выждали время после смерти его матери.

Не спросив разрешения, Андрей закурил и хмуро сказал:

– Она просто пытается уговорить себя. Все она понимает, умная баба.

– Сволочная, – подсказала Соня.

– И это тоже.

Он подошел к двери и распахнул ее, чтобы выходил дым. Опять повеяло холодком. В другое время это доставило бы наслаждение, но сейчас Соня поежилась и недовольно подумала, что тянет точно из склепа. Этот большой дом напротив, с его зимним садом, мертвым камином и защитным зеркалом у входа, и был склепом. И вырваться из него можно разве что на крышу.

Ночь тяжелела, небо затягивалось темной пеленой, сквозь которую еще проглядывали звезды, но все слабее и слабее. «Демон летит», – почему-то подумалось Соне. Когда-то давно ей понравилась поэма о Демоне, и она прикрепила пластырем на заднюю стенку секретера вырезанную из журнала

иллюстрацию Врубеля. Говорят, он сошел с ума, рисуя Демона...

Она быстро провела по лицу рукой, пытаясь отгородиться от гнетущих предчувствий. Андрей молчал, поглядывая на темнеющее небо. Они находились вдвоем в пустом домике, наступала ночь, и никто не мог им помешать, а между ними не возникало никакого напряжения, будто спавший неподалеку человек оттягивал на себя всю их энергию, оставляя возможность только говорить о нем, думать о нем, мечтать о нем...

– Если б только увидеть, как он спит...

Соня никак не ожидала, что произнесет эти слова вслух, и, замерев, уставилась на Андрея, все еще не понимая, что же такое с ней происходит. Но рядом был знаток своего дела. Он и бровью не повел в ответ на ее восклицание. За много лет он научился молча пропускать сквозь себя чужие выплески и при любых обстоятельствах оставаться себе на уме. Если в лодке он и рванул Дениса за грудки, то лишь потому, что считал это необходимым.

Соня посмотрела на него с уважением. Этот человек вызывал у нее возрастающий профессиональный интерес. Выждав, пока он докурит и прикроет дверь, она спросила:

– Ты привязывался ко всем своим клиентам?

Он вдруг легко рассмеялся и, сцепив на затылке руки, начал расхаживать по комнате. Отдельные половицы взвизгивали под его тяжестью, но Андрей, точно специально, насту-

пал именно на них.

– Привязывался... Это были такие уболюдки, ты и не представляешь! Я, конечно, не назову тебе их имен. Первый был комсомольским вожаком. Я искал работу после армии, и мы с ним случайно столкнулись в... это неважно. Он собирался баллотироваться в депутаты и был уверен, что на его персона тут же начнутся покушения. Я ухватился за его предложение, потому что у меня не было ни специальности, ни мозгов. А его привлекло то, что я был десантником. Мерзкий был мужик. Грязный до самого нутра. Он своего добился, сейчас в Москве живет. А я с ним не поехал. Но он посчитал себя обязанным сделать широкий жест – порекомендовал меня знакомому банкиру. С этим было психологически проще, но опаснее, он слишком часто ввязывался во всякие авантюры. Теперь живет то ли в Австрии, то ли в Финляндии... После него Зимин у руля встал. Но у него команда уже была укомплектована. Тогда-то он и предложил мне пошпионить за его сыном: где, мол, да с кем. Под видом телохранителя. Я согласился главным образом потому, что терпеть не мог всех этих богатеньких сынков. Думал, хоть одному из них кровь попорчу. Кто ж знал, что Дэнъка таким окажется? Я к нему когда в первый раз зашел – они тогда только купили этот коттедж, – Дэнъка сидит с книжкой прямо на полу, ноги поджал. Гляжу – совсем пацан! Худой тогда был, это я уже заставил его подкачаться. Небось заметила, какие у него теперь плечи? Это потому, что он у меня то озеро, где мы

катались, вдоль и поперек исплавал. Не зря говорят, что у пловцов самые красивые фигуры. Видела бы ты его тогда... Сидит этакий заморыш, говорит: «Привет, это тебя приставили следить за мной?» Я отпираться начал, что не следить, а охранять, мало ли что... Он так улыбнулся, ну знаешь, как он умеет. «Тебе уже сказали, что я – слабоумный? – спрашивает. – Но не настолько же, чтобы не понимать, для чего ты тут». И мне вдруг его так жалко стало! Я, конечно, виду не подал, но стал к нему присматриваться. Никак его разгадать не мог, что за маску носит? Круглый год в одних и тех же джинсах ходит, вечерами дома сидит, читает. Правда, когда ему отец к совершеннолетию машину подарил, Дэнька оживился. На права выучился, гонять начал. Я до сих пор боюсь, когда он за рулем. Удержу он не знает... «Я, – говорит, – хочу достичь ощущения полета». Да так, видно, и не достиг. К машине интерес совсем потерял.

– А у него тогда уже случались припадки?

– Какие припадки? – он остановился и уперся ладонями в край стола.

– То есть... Он уже ходил во сне?

Андрей угрожающе наклонился:

– Я не знаю, как это на медицинском языке называется, может, и припадки. Но ты даже не заикайся об этом при нем. Помнишь, что он в горсаду выкинул?

– Ты же сам настаивал, что надо сказать ему правду!

– Правду, – кивнул он. – А правда в том, что ничего

страшного с ним не происходит. Он и так живет в вечном страхе. Надо ему объяснить, что он не психопат и не шизофреник. И этого слова – припадки – при нем не произноси.

Соня рассердилась:

– Я без тебя знаю, как разговаривать с такими больными! Каждый тут берется меня учить! Ты что, лучше, чем я, разбираешься в психиатрии?

– Нет. Просто я люблю его больше, чем ты.

Его лицо вновь стало равнодушным, почти сонным. Глаза полужакрылись, а руки медленно сложились на груди предудерживающим знаком: «Посторонним вход воспрещен!»

– Пора ехать, – безо всякого выражения произнес Андрей. – Дэнэка рано встает, мне надо успеть выспаться.

– На горшок, я надеюсь, он сходит без тебя...

Они выбрались из флигеля, ступая чуть ли не на цыпочках. Дверцы машины издали только легкий щелчок, а звук мотора незаметно слился с дыханием ночи. Соня в последний раз оглянулась на дом Зиминых – суровый в своем молчании, темноглазый, – и ей показалось, что в одном из окон второго этажа мелькнула светлая тень.

– Где его окно? – отрывисто спросила она, не отрывая взгляда.

– Два крайних справа.

– Он нас видел!

– Не может быть. Он же спит.

– Я говорю тебе, что он нас видел! Он стоял у окна.

– Черт побери! – выругался Андрей и ударил по рулю ребром ладони. – Но, с другой стороны, может, это и к лучшему. Теперь уж точно придется рассказать ему правду.

– Правду, правду! – раздраженно передразнила Соня. – Нашелся правдолюбец. Есть вещи, о которых лучше не знать правды...

Глава 13

– Мама, мама, я так боюсь!

– Что ты, милая, что ты?! Ты просто влюбилась, это же хорошо! Нельзя ведь жить одной работой.

– Мама, я не влюбилась, нет! Я не знаю, как это назвать. Я попала от него в зависимость, понимаешь? Как от наркотика. С любовью это не имеет ничего общего.

– Почему ты так уверена? Тебе хочется связать с ним жизнь? Иметь от него детей? Ухаживать за ним?

– Нет! Нет! Нет! Ничего этого я не хочу! Но вот он не появился вчера, и я готова биться о стену. Что это, мама? Как это назвать? У меня сердце разрывается... Я хочу бежать к нему, но этого нельзя. У меня есть номер их телефона, но я не могу позвонить, потому что не он мне его дал.

– Но тебе ведь известна его фамилия. Каждый может узнать номер телефона через справочную.

– Правда? Ох, мама, я совсем перестала соображать... Как ты меня выручила. Тебе не стыдно за меня?

– Что ты болтаешь? Я даже завидую тебе. Не каждому выпадает такая страсть...

– Вот! Страсть. Наверное, это самое точное слово. Но ведь страсть – это от дьявола, это нужно давить в себе, как сорняк, пока он не сожрал тебя всю.

– Признаться, я не сильна в знании Библии и законов Бо-

жых. Но кому станет хуже, если ты чуть-чуть побезумствуешь? Все, что касается гигиены, тебе известно лучше, чем мне, так чего же бояться? Если ты уверена, что этот мальчик – не твоя судьба, значит, все перегорит само собой. Но зато ты никогда не пожалеешь, что не поддавалась страсти. Если тебя гнетет, что он – твой пациент, так ведь ему это не известно. Постарайся, чтобы никто не узнал о вашем романе. В том числе и Валерий Ильич. У него старомодные взгляды на такие вещи... И ты знаешь, как он непреклонен во всем, что касается медицины.

– Мама, почему он не пришел вчера? Может, я уже надоела ему? Ты ведь видела его, перед таким все сердца открыты.

– Почему же тогда он так несчастен?

– Ох, не знаю. Иногда мне становится так жаль его!

– Любовь не может без жалости. Это ее цементирует.

– Неужели ты жалеешь отчима? За что его жалеть? Он – везунчик, талант...

– Он маленький и щуплый. У него гастрит. Разве за это не стоит пожалеть? Хочешь, я позвоню твоему Денису?

– Нет, нет, что ты! Я сама.

– Ты слишком привыкла все делать сама...

...К телефону опять подошла Зимина, и Соня, как могла, изменила голос.

– Да, он дома, – неприветливо ответила она. – Сейчас приглашу...

Трубка скользнула в руке, и пришлось крепче прижать ее к уху. Когда Денис, наконец, ответил, сплюснутый хрящ уже нестерпимо болел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.